

ВНИМАНИЕ: СЕРИАЛ!

Андрей Анисимов БЛИЗНЕЦЫ

ТАРИФ
НА ДРУГА

ДЕТЕКТИВ

Близнецы

Андрей Анисимов

Тариф на друга

«Автор»

2003

Анисимов А. Ю.

Тариф на друга / А. Ю. Анисимов — «Автор»,
2003 — (Близнецы)

Когда-то Ерожин был хорошим следователем, раскрывавшим самые сложные дела. Теперь он – частный детектив, открывший свое сыскное агентство. Агентство, в которое обращаются самые невероятные клиенты – например, друзья «нового русского», решившего разыграть собственное похищение. Однако что-то в забавном розыгрыше, похоже, идет не так, – и вместо «похищенного» находят его вполне реальный труп. Кто же использовал шутку, чтобы совершить преступление?.. Ерожин начинает расследование – и вскоре понимает, что совершившего преступление надо искать среди множества друзей, приятелей и возлюбленных жертвы. Подозреваемых много, но убийца – один...

© Анисимов А. Ю., 2003

© Автор, 2003

Содержание

Часть первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Андрей Анисимов
Близнецы 6. Тариф на друга

текст предоставлен в авторской редакции

* * *

Часть первая

Конец Империи Веселого

– Почему у тебя правая грудь больше левой? – Костя Сазонов лежал откинувшись на подушку и с анатомическим любопытством разглядывал невесту. Лика приподнялась к тумбочке за соком, и ее грудки обнажились.

– Не знаю, наверное, от природы. Хочешь, я у мамы с папой спрошу, они меня делали. – Ответила она и проткнула пакет соломинкой.

– Ты лучше бы спросила у отца денег. Через неделю мне регистрировать уставной капитал. Если я к сроку не успею – прощай, собственная фирма. Ты же не хочешь, чтобы твой муж стал жалким служащим? – Пригрозил Костя и отвернулся.

– Неудобно доставать отца до свадьбы. Поженимся, я с папой поговорю. А пока ты мне не муж. – Лика отставила пакет, снова улеглась в постель и сладко потянулась.

– Натан Маркович любит помогать ближним. – Примирительно заметил Сазонов и одной рукой обнял Лику.

– Тебе же моя грудь не нравится? – Игриво напомнила невеста.

– Я этого не говорил. Я только полюбопытствовал, почему у тебя одна больше. – Ответил он и, поцеловав девушку, улегся на нее.

– Ты меня любишь? – Прошептала Лика, податливо раздвигаясь и млея.

– Помолчи. – Попросил жених. Успев притомиться от любовных ласок, он старался сосредоточиться. Лика послушно замолчала и прикрыла глаза. Костя трудился, деловито посапывая. Он никак не мог заставить себя прогнать тревожные мысли, которые любовным утехам мешали.

– Тебе хорошо, милый? – Чуть слышно спросила Лика.

– Ты можешь помолчать! – Рывкнул Сазонов и перевернул девушку. Перемена подействовала благотворно, и он довольно быстро завершил мужскую работу. Они несколько минут полежали с прикрытыми глазами, затем Лика встала и вышла из комнаты. Вернулась она в белом платье:

– Тебе нравится?

Сазонов без особого интереса оглядел невесту в свадебном наряде. От необходимости восхищаться его избавил телефонный звонок:

– Бабки раздобыл? – В голосе звонившего Косте послышалась угроза.

– Мы же договорились, что вы ждете до конца недели? – Ответил он и почувствовал неприятную дрожь в коленках.

– Ты, парень, не понял? Счетчик тикает. Тебе самому лучше не тянуть. Скорей беги к своему будущему тестю. – Хмыкнули в трубке.

– Не беспокойся, Ник. Все будет в норме. – Костя пытался держаться спокойно, но голос его выдавал. В трубке помолчали:

– Давай, пацан, подгребай. Есть одна идея. – Сазонов быстро согласился и дал отбой. Лика стояла у постели в белом платье и растерянно моргала. Она ждала восхищения, а лицо жениха выглядело так, будто он съел лимон.

– Тебе не нравится? – Обиженно повторила она свой вопрос.

– Мне не нравится, что тебе наплевать на наше будущее. – Бросил Костя и резко поднялся: – Пойми, если твой папаня не даст денег на уставной капитал, мы в заднице.

Лика смотрела, как ее избранник быстро и нервно одевается, как с каменным лицом направляется к двери.

– Даже не попрощался. – Горестно заметила невеста и, стянув с себя платье, с досадой бросила его на тахту.

* * *

Идея отпраздновать свадьбу дочери в бане принадлежала самому Натану. Директора компании «РИСК» Натана Марковича Веселого многие называли экстравагантным, но такого не ожидали и от него. Известие, что сын с молодой женой в ЗАГС наведались в середине недели, как в магазин, а сегодня справляют свадьбу в парилке, родители жениха восприняли по-разному. Отец Кости, Владимир Игнатович Сазонов, считал себя человеком с юмором, но сейчас это чувство ему отказало. На пригласительном билете внизу имелась приписка, что все гости без отличия их возраста, социального и материального положения должны иметь при себе полотенце, мочалку и, в зависимости от пола, плавки или купальник.

– Идиот! – Воскликнул Сазонов, снова перечитывая пригласительный билет, доставленный курьером фирмы в девять утра. О том, что свадьба намечена на воскресенье, Веселый предупредил заранее, но билеты велел развезти в день торжества.

– Почему же, Володя? – Возразила Инна Николаевна: – Это даже мило. Во всяком случае оригинально. Как хорошо, что я летом купила себе в Венгрии новый купальник.

– Господи, Инна! – Воскликнул Сазонов, критически оглядывая свою супругу: – Этот купальник совершенно непристойен. В твоём возрасте крутить жопой уже не солидно. Неужели ты сама этого не понимаешь?

– Ревность здесь вовсе не уместна. – Надула губки мадам Сазонова.

– При чем тут ревность? Пока только я знаю, что у меня жена дура, а после свадьбы сына об этом узнают все. – Мрачно предсказал Владимир Игнатович.

– Сам болван! – Обозлилась Инна Николаевна: – Да, я немного полновата, но полные женщины большинству мужчин нравятся. Это вы все только делаете вид, что без ума от костлявых долговязых девиц, тех, что снимают на рекламу. На самом деле любой мужик мечтает о женщине с формами.

Сазонов посмотрел на супругу продолжительным недобрым взглядом и удалился в свой кабинет. В ответ на ее заявление, что мужчинам нравятся женщины с формами, он знал, что возразить, но пристойных формулировок для возражений не нашел, и решил не доводить до скандала. Он уселся за письменный стол, достал из ящика один из своих альбомов с марками и углубился в их созерцание. Давнее хобби часто выручало в минуты раздражения. Он не сегодня понял, что доказать правду жене – дело безнадежное и единственная возможность сохранить нервы – это тихо отступить и заняться приятным делом. В лоне семьи более приятного занятия, чем созерцание собственной коллекции, Владимир Игнатович не представлял. Марки он собирал много лет, и теперь они составляли немалый капитал. Но сегодня любимое хобби его не поглощало. Сазонов думал о другом... Женитьба Кости на дочери шефа должна была бы радовать отца. Конечно, Лика девчонка набалованная и не слишком хорошо воспитанная, но зато папаша у нее миллионер. Сазонов не раз удивлялся, как Натан Веселый легко зарабатывает деньги на тех проектах, которые другие давно похоронили или считали совершенно безнадежными.

Владимир Игнатович знал своего шефа со студенческих лет. Они вместе учились в МГУ. Причем Сазонов учился прилежно, не пропуская лекций и вовремя сдавая зачеты, а Веселый всегда все делал на ходу и в последний момент. Именно на примере Натана Сазонов уверялся, что справедливости в мире нет. Веселому все давалось легко. На Натана вешались девчонки, он был любимцем профессоров, рано начал зарабатывать приличные деньги. А Сазонову вечно не везло. Но самым обидным фактом в жизни Владимира Игнатовича стала его не удавшаяся любовь. Анна Табаровская предпочла Веселого. И, может быть, Владимиру Игнатовичу и не

было бы так обидно, если бы Натан на Ане женился. Но Веселый с ней немного потусовался, а женился на своей Элеоноре. Но и после этого Аня к Сазонову не пришла. Она до сих пор любит Веселого, таскается к ним в дом и поедает Натана Марковича трагическими глазами печальной газели. Это тянется уже четверть века.

Сазонов вздохнул, убрал альбом в ящик и стал смотреть в окно. Окно его кабинета выходило в темный колодец московского двора, где кроме слепых окон соседнего кирпичного дома ничего не увидишь, но Владимира Игнатьевича пейзаж не волновал. Он продолжал злиться. Сазонов даже себе никогда не признавался, что Натана не любит. Когда Сазонову не везло, Веселый не раз протягивал ему руку помощи. А пять лет назад взял к себе на фирму заместителем. Порицать своего благодетеля не благородно. Владимир Игнатович это понимал и неприязнь свою тщательно таил. Но это ему не всегда удавалось. Вот и сегодня, получив дурацкий пригласительный билет, он не сдержался. Теперь Сазонов и сам стал человеком не бедным. Натан ему прекрасно платил, и еще заместитель немного у шефа подворывал.

«Пора», – сказал сам себе Владимир Игнатьевич, медленно поднялся и пошел в спальню. Настала пора собираться на свадьбу. Сазонов представил гостей в плавках и купальниках и брезгливо поморщился. Он знал не всех приглашенных, но тех, кого знал, предпочитал видеть в костюмах и платьях.

В такси ехали молча. Инна продолжала сидеть, капризно надув губки, а Сазонову подлизываться к жене не хотелось:

– Остановите у цветочного магазина. – Приказал Владимир Игнатович водителю и, хлопнув дверью, вышел.

– Не вздумай купить дешевые розы на коротких ножках. – Предупредила Инна Николаевна, но Сазонов сделал вид, что не слышит. Он быстро выбрал тринадцать коралловых роз по пятьдесят рублей за штуку, покривился, наблюдая, как продавщица заворачивает их в перелевающий блестками, мешчански красивый целлофан, расплатился и вернулся в машину.

Возле частной бани, на дверях которой имелась медная табличка с надписью «Оздоровительный центр», в огороженном чугунной оградой дворике, набралось машин пятнадцать.

– Не вижу нашего автомобиля. Интересно, дети уже приехали? – Спросила Инна Николаевна, оглядывая дорогие иномарки. Она не знала, что муж накануне одал свою машину механику. Владимир Игнатьевич не ответил. Костя с утра крутился в доме Веселого, обслуживая капризы невесты. Сам Натан тоже сегодня ни разу не позвонил. Последний раз они поговорили на работе.

– Не бери в голову, я сам все организую. – Улыбнулся Веселый, отвергая предложение будущего родственника разделить предсвадебные хлопоты и заговорщически ему подмигнул. Сазонов вышел из его кабинета, с тех пор Натана больше не видел, и поэтому торжественного протокола не знал.

В холле родителей жениха встретили два бритых голубчика в белых рубашках и черных галстуках. Внимательно изучив пригласительные билеты, они служебно улыбнулись:

– Дама, пройдите, пожалуйста, направо в раздевалку, а Вас попросим налево. В костюмах в зал входить не велено. – Предупредили бритые молодцы и бесцеремонно развели чету Сазоновых в разные стороны. В раздевалке пахло мужиками и толпилось полно народу. Первым, кого увидел Сазонов, был Миша Кричевский. Толстый брюхатый еврей в плавках выглядел вовсе не так солидно, как в директорском кабинете своего банка. Да и тощему костлявому юристу Брагину нагота импозантности не добавляла. Пожалуй, только спортивный Сережа Смолин, теннисист, биржевой маклер и бабник, в плавках смотрелся недурно.

– Ну и отмочил Натан! – Восторженно изрек Кричевский, аккуратно пристраивая на плечики свой огромный пиджак.

– Одно слово – «Веселый», – проворчал Брагин.

– Кто там в душе? – Спросил Сазонов, стягивая брюки.

– Мятишкин и Додик. – Ответил Кричевский, убирая костюм в шкаф.

– Бумажник куда девать? – Поинтересовался Брагин.

– Засунь его к себе под яйца. – Серьезно посоветовал Сазонов и направился в душ.

– Поздравляем папаню жениха. – Закричал Мятишкин и протянул Владимиру Игнатовичу руку в мыльной пене.

– Сперва мыло с морды смой, потом будешь поздравлять. – Отрезал Сазонов и руки Мятишкину не подал. Мятишкина шеф подкармливал из жалости. Тот бестолково исполнял поручения Веселого и был совершенно бесполезен в любом деле. Даже те мелкие услуги, которые он оказывал Натану, чаще всего результат приносили плачевный. Ко всем неприятностям, Мятишкин еще и пил. Почему Натан Маркович терпел этого старого неудачника, для всех оставалось загадкой.

– Ну вот, сынка ты, блядь, пристроил, можешь теперь в загул. – Додик стоял под душем, широко расставив свои мощные ноги, и старательно промывал голову от шампуня.

– Ты-то свою дочку скоро с рук сбавишь? – Вместо ответа, полюбопытствовал Сазонов. Все знали, что дочь владельца дорогих обувных магазинов Эдуарда Степановича Ветрякова наркоманка и шлюха, поэтому в вопросе Сазонова имелся недобрый подтекст.

– Это, блядь, мой пожизненный крест. – Признался Додик и тяжело вздохнул. Ругательство к его дочери отношения не имело, им Додик пользовался автоматически.

– Дело молодое, погуляет – образумится. – Подобострастно успокоил отца непутевой девушки Мятишкин.

Сазонов и Додик оставили его комментарий без ответа. Владимир Игнатьевич серьезно мыться не стал, поскольку утром обстоятельно принимал ванну дома. Он быстро ополоснулся и покинул душевую. В кабину плавно перетек брюхатый Кричевский. Сазонов надел плавки, взял мобильный телефон, прихватил цветы и вышел из раздевалки. К нему сразу подошел один из бритых молодчиков и повел к застекленным дверям. В большом зале, центр которого занимал бассейн, гостей ждали накрытые столы. На плоту по бассейну медленно дрейфовал небольшой оркестр. Музыканты, как и все остальные, имели на себе только плавки. Отличались артисты лишь тем, что ударник, гитарист и трубач украсили голые шеи бабочками, а единственная женщина-скрипачка музицировала в купальнике ярко-красного цвета. Играл оркестр попури из шлягеров семидесятых годов. Отцу жениха закричали «ура». Он всматривался в сидящих за столами, но знакомых отличал трудно. В банном виде Сазонов многих наблюдал впервые. Дамы и господа без платьев и костюмов удивительно менялись. Но, как скоро понял Владимир Игнатьевич, никто в зале не смущался. Гости быстро осваивались в необычной обстановке и чувствовали себя свободно. Это были в основном люди его возраста. Молодежи, а так же невесты с женихом среди гостей Сазонов не обнаружил. Молодые еще не приехали. Не было здесь и главного застрельщика банной свадьбы. За Натана Марковича Веселого выступал главный бухгалтер фирмы «РИСК» Анатолий Васильевич Сысоев, пожилой мужчина, всегда подтянутый и корректный. На груди Сысоева на черной ленточке раскачивалась трубка мобильного телефона, правой рукой он сжимал микрофон. Даже без привычного пиджака и галстука Анатолий Васильевич выглядел вполне достойно, и Сазонову даже показалось, что твидовый пиджак и галстук на главном бухгалтере незримо присутствуют.

– Вас, Владимир Игнатович, я попрошу пройти на почетное место. Вот здесь будут сидеть невеста с женихом, вы с супругой располагайтесь по правую руку, а для Натана Марковича с Элеонорой Ивановной мы оставим два кресла слева.

Сазонов безропотно проследовал на указанное место и, уложив букет на бортик бассейна, уселся за стол. Инна Николаевна еще не вышла из раздевалки, и Владимир Игнатович имел время осмотреться. Рядом, по соседству, сидела очаровательная рыжеволосая женщина и очень полненький молодой человек. Толстяка и красавицу Сазонов видел впервые.

– Вы и есть отец жениха? – Обрадовался толстячок: – Давайте знакомиться. Меня зовут Сева Кроткин, а это моя жена Вера. Сазонов пожал руки молодых соседей и вздрогнул. В зал вошла Анна Яковлевна Табаровская. За двадцать пять лет, что минуло с тех пор, когда Владимир Сазонов впервые увидел ее и влюбился, Аня не очень изменилась. Ее породистое сухое личико порезали мелкие морщинки, но издали их было не заметно. Табаровская не растолстела, была по-прежнему стройна и миловидна. Только ее темные карие глаза сделались еще больше и еще печальнее.

– Здравствуй, Володя. – Тихо поздоровалась она с Сазоновым. Сосед-толстячок улыбнулся, шустро поднялся навстречу, и, как старой знакомой, поцеловал Анне руку. Владимир Игнатьевич проследил за женщиной взглядом и отметил, как она уселась за самый последний столик в дальнем конце зала:

– Вы знаете Табаровскую? – Спросил он у своего пухлого соседа.

– Анна Яковлевна переводит мои беседы, когда приходится иметь дело с французами. Она блестящий переводчик. – Улыбнулся толстяк и, взяв со стола бумажник, открыл его, достал визитную карточку и протянул Сазонову.

– Мы же с вами давно сотрудничаем! – Изучив визитку, удивился Сазонов: – Но мне и в голову не приходило, что таким солидным фондом руководит такой молодой директор.

Вера выслушала мужчин и улыбнулась своей ослепительной улыбкой:

– Я тоже поначалу удивлялась, а потом поняла, что Сева только с виду зеленый, а на самом деле он мудрый старый лис.

– У вас, Сева, потрясающе красивая жена. Боюсь, что моя супруга, когда появится из раздевалки, то сразу не поймет, почему я сижу рядом с такой красавицей, и устроит мне сцену. – Грустно пошутил Сазонов.

– Не волнуйтесь, мы ее быстро успокоим. – Пообещал Сева и принялся за еду. Закусок и вин на столе хватало. Гости были предоставлены сами себе и, судя по всему, виновников торжества никто не дождался. Сазонов тоже положил себе на тарелку немного салата и стал медленно его жевать, исподволь разглядывая присутствующих.

За исключением нескольких незнакомых Сазонову, в том числе и молодой четы по соседству, все они встречались Владимиру Игнатьевичу и раньше. Большинство из них или были обязаны Натану Марковичу своим благополучием, или от него зависели.

«Какую же огромную империю создал мой бывший сокурсник», – желчно отметил Владимир Игнатьевич. В зале собралось не меньше ста человек, и еще треть кресел пустовала. Через стол от Сазонова сидела Маша Трусова. Теперь все звали ее Марией Климентьевной и при встрече подобострастно улыбались. Веселый принял Трусову на работу несколько лет назад. Тогда это была одинокая, с двумя детьми, молодая запуганная и зажатая женщина, не лишенная, однако, скрытой привлекательности. Веселый дал ей приличную зарплату и относился с нарочитым уважением. Через год Машу было не узнать. Она превратилась в шикарную, знающую себе цену молодую даму. Еще через год Натан помог Маше открыть свою фирму. Теперь за столом сидела преуспевающая богатая деловая красавица. Став боссом, Мария Климентьевна говорила с Натаном как с равным, а с Сазоновым – с легкой снисходительностью. Маша явилась в купальнике, который можно было сразу и не заметить. Бросались в глаза лишь ее бриллианты. Несмотря на небольшой жирок, приобретенный за последнее время, Трусова была хороша. Сазонова давно мучил вопрос, спал ли Натан с Машей. Внешне их отношения выглядели вполне по-дружески, но Владимиру Игнатьевичу не хотелось верить в бескорыстие шефа.

За Трусовой торчала прямая, как жердь, супруга юриста Брагина. Сам юрист еще не вышел из раздевалки. Сазонов не помнил имени мадам Брагиной. Плоская и здоровенная супруга юриста его не слишком интересовала. Но Владимир Игнатьевич знал, что и Брагин обязан Натану Марковичу. Веселый спас жизнь его сыну, болевшему страшной неизлечимой

болезнью, название которой Сазонов выговорить не умел. Натан выложил десять тысяч долларов за заморское лекарство, и мальчик остался жив. За мадам Брагиной скрывался маленький и юркий Станислав Ибрагимович Абасов. Его черные бегающие глазки быстро шарили по залу, в то время как он сам рассказывал что-то смешное на ухо долговязой блондинке, с которой и пришел на свадьбу. Сазонов как-то видел эту пару в офисе компании «РИСК». Станислав Ибрагимович едва доставал своей макушкой до плеча возлюбленной. Сазонов вспомнил, что ее зовут Лидой и что она манекенщица. Абасов с азербайджанцем Рахимом держал ломбард. Однажды Станислав Ибрагимович прогорел и сильно задолжал Рахиму. Крутой компаньон шутить не любил. Испробовав все средства добыть денег, Абасов как в последнюю инстанцию прибежал к Веселому. В директорском кабинете миниатюрный совладелец ломбарда бросился перед Натаном Марковичем на колени и стал плакать. Веселый ссудил ему денег под мизерные проценты. Сазонов тогда высказал свое полное несогласие с щедростью шефа и был прав. Долг Абасов гасил медленно и до сих пор оставался Натану должен. Но Натан только посмеивался.

– Абасов капитал спустил в отверстие между ног своей долговязой маникухи. Такое благородство маленького мужчины надо поощрять. – Ответил своему заместителю Веселый и попросил этой темы больше не касаться.

Наконец обе стеклянные двери распахнулись, и в зал ввалилась целая ватага молодежи. В центре компании Сазонов увидел своего сына с невестой. Молодые люди, громко смеясь, вместо того чтобы сесть за стол, прыгнули в бассейн и стали там дурачиться. Гости, на которых полетели брызги, натянуто улыбались. Зато молодежь визжала, гоготала и пребывала в полном восторге. Только полненький директор фонда и маленький Абасов захлопали в ладоши и громко заорали «Горько!» Оркестр на своем плоту, покачиваясь от волн, созданных резвящейся молодежью, заиграл марш Мендельсона. Понемногу и гости оживились. Сазонов смотрел, как его Костя в воде обнимает и целует почти обнаженную Лику и подумал, что был бы вовсе не прочь оказаться на месте сына. Невольно мрачные мысли отступили, и Владимир Игнатьевич улыбнулся. Но улыбка его мгновенно погасла, когда он увидел супругу в «венгерском» купальнике. Инна Николаевна быстро отыскала глазами Сазонова, недовольно отметила соседство молодой рыжеволосой красавицы и, решительно покачивая богатырскими бедрами, направилась к мужу.

– Твоя Анюта как всегда тута. – Срифмовала Инна Николаевна, с трудом втискивая свои прелести в пространство между столом и креслом.

– Может быть. – Стараясь сохранять безразличие, ответил Владимир Игнатьевич.

– Что значит «может быть»? Вон она сидит в том конце. Я не слепая. – Раздраженно уличила мужа мадам Сазонова и недовольно покосилась на молодую рыжеволосую соседку.

– Позволь тебе представить очаровательную пару. – Поспешил Владимир Игнатьевич: – Этот молодой человек, не больше не меньше, как директор фонда «Развитие», а рядом со мной – его прелестная супруга.

– Очень приятно. – Ответила Инна Николаевна и создала на лице нечто вроде улыбки: – Почему нет Кости? Что это за свадьба без жениха и невесты?

– Как нет? Разве ты не видишь, что ребята плавают? – Ответил Сазонов и указал жене на бассейн. Инна Николаевна углядела сына и в первый раз ее лицо выразило искреннюю радость.

– Костенька... – Восторженно произнесла растроганная мать. Остальные купальщики, включая невесту сына, ее не волновали. Наконец, молодые наплавались, отстояли на бортике бассейна перед камерами и фотоаппаратами и пошли к столу. Владимир Игнатьевич с розами поднялся навстречу.

– Папочка, а я тебя и не видел. – Хрипловатым баритоном сообщил Костя.

– Тебе сегодня кроме Лики никого видеть и не полагается. – Улыбнулся Сазонов и вручил невесте букет.

– Спасибо, дядя Володя. А папа и мама где? – Растерялась Лика, оглядывая пустые кресла в почетном ряду.

– Ждем-с. – Усмехнулся Сазонов: – Садитесь, после купания полагается по стопарику. Тут без вас все давно пьют и закусывают.

– Папочка, мы с Ликой лучше пойдем погреемся. Ты не хочешь в парилку? – Спросил Костя, подавая невесте руку.

– Посидите с родителями хоть пять минут! – Воскликнула Инна Николаевна.

– Чего сидеть, мамочка? Лучше пошли с нами в парную. Что в бане без пара делать? – Возразил Костя.

– Я влажной жары не переносу. – Отказалась Инна Николаевна.

– Вот и плывешь в ширь. – Прокомментировал отказ жены Сазонов.

– Хорошего человека должно быть много. – Банально сострила мадам Сазонова и громко рассмеялась своей шутке. Сазонову тоже париться не хотелось, но и сидеть с женой радости ему не доставляло. Он поднялся и пошел за сыном и Ликой, но, услышав громкие крики гостей, оглянулся и увидел Элеонору Ивановну. Жена босса шествовала по проходу в сопровождении бухгалтера Сысоева и, оглядывая столики, натянутой улыбкой отвечала на приветствия. Элеонора украсила шею жемчужным ожерельем, весьма гармонирующим с серебристым закрытым купальником, и даже в бане умудрилась сохранить официальный и немного чопорный вид. Лика тоже увидела маму и подбежала к ней:

– А где папа? – Капризно воскликнула невеста.

– Я сама ничего не понимаю. Натан обещал еще час назад за мной заехать, но не соблаговолил. Я решила, что больше ждать неприлично и приехала сама. Грешным делом, девочка, я думала, что твой отец уже тут. Про меня он забыть может, но про тебя и гостей – это уже ни на что не похоже. – Продолжая держать улыбку, сквозь зубы пропела Элеонора Ивановна. Сазонов взял ее под руку и повел к столу. Лика, скорчив рожицу, некоторое время постояла, затем побежала догонять жениха и своих друзей. Те двигались в сторону парной и делали ей выразительные знаки. Сазонов с бухгалтером усадили Элеонору Ивановну на почетное место, и распорядитель наполнил ее бокал шампанским:

– Не волнуйтесь, Натан всегда в делах. Думаю, что его задержали какие-нибудь не запланированные переговоры. Он сейчас появится. – Успокоил Сысоев женщину: – Давайте выпьем за молодых.

Прошло еще минут двадцать. Гости все чаще обращали внимание на пустое кресло Натана Марковича. В зале стало тише. Над столами постепенно повисло напряжение. Молодые друзья жениха и невесты вышли из парилки и рьяно набросилась на еду. Костя делал вид, что поглощен закусками, но украдкой бросал беспокойные взгляды на пустующее кресло рядом с тещей. Лика тоже иногда вопросительно поглядывала на мать, однако выглядела вполне счастливой. Для других молодых людей отсутствие Натана Веселого ничего не означало. Но старшее поколение заметно приуныло. Большая часть гостей присутствовала здесь именно для того, чтобы выразить Веселому свое уважение. Сысоев пытался развеселить народ старомодными тостами, но все видели, что и он огорчен и взволнован. Владимир Игнатович уже выпил несколько бокалов за молодых. Хмель его не брал. Он прошелся по залу и остановился возле Табаровской. Женщина, не отрываясь, смотрела на дверь, и в ее печальных бездонных глазах читалось напряженное ожидание. Владимир Игнатович немного постоял возле Ани и вернулся на свое место. Еще через некоторое время к их столику подошел Сысоев и поманил Владимира Игнатьевича. Сазонов встал и направился к бухгалтеру. Тот наклонился к его уху:

– Ресторан, обеспечивающий свадьбу, требует предоплату. Закуски они уже выставили, осталось только привезти горячее. Что будем делать? У меня никаких денег нет и распоряжений от шефа я на этот счет не получал. – Шепотом доложил Сысоев и вопросительно глянул в глаза Владимира Игнатьевича. Сазонов сперва не понял, почему бухгалтер обращается к нему,

но все же сообразил, что как заместитель Веселого, в отсутствие шефа, вопросы должен решать он. Сысоев терпеливо ждал.

– Может быть, все-таки Натан сейчас приедет... – Нерешительно предположил Владимир Игнатьевич и с надеждой посмотрел на дверь. Но двери в зал оставались наглухо закрытыми и никто в них не входил.

– О какой сумме идет речь? – Поинтересовался он у бухгалтера. Анатолий Васильевич, без пиджака и брюк, блокнота при себе не имел, поскольку был лишен карманов. Он посмотрел на свое запястье, где чернильным карандашом были начертаны какие-то знаки и быстро ответил:

– Две тысячи семьсот тридцать пять долларов сейчас и девять тысяч пятьсот долларов в конце, включая ресторан и аренду помещения.

– В моем бумажнике три тысячи рублей и долларов двести. Не предполагал, что будут большие расходы. При последнем разговоре, я предложил Натану свою помощь, но он заявил, что все берет на себя. – Покачал головой Сазонов.

– Что прикажете делать? – Анатолий Васильевич ждал распоряжения вышестоящей инстанции, и Сазонов думал.

– Соберите в раздевалке Кричевского, Брагина, Трусову, Додика Ветрякова и Смолина. Это – ближайшие друзья Натана, и с ними мы проведем короткое совещание. – Наконец повелел заместитель генерального директора.

Сысоев кивнул и деловым шагом отправился выполнять поручение. Через пять минут члены совета были собраны в холле перед парилкой. Госпожу Трусову усадили на скамейку, мужчины садиться не стали.

– Друзья, ситуация сложилась неординарная. – Начал Сазонов: – Натан Маркович, по непонятным пока причинам, задерживается. О финансах с лицами, обслуживающими эту странную свадьбу, он договаривался лично. Пришло время платить. По словам нашего распорядителя Анатолия Васильевича Сысоева, сегодня вечером придется выложить сумму в двенадцать тысяч двести тридцать пять долларов. Внести ее надо в два приема. Сейчас предоплату ресторану в две тысячи семьсот тридцать пять долларов и в конце торжества еще девять тысяч пятьсот. Чтобы предотвратить скандал, я предлагаю скинуться и погасить предоплату ресторану. Надеюсь, что до конца вечера Натан появится и все до копейки нам возвратит. Итак, разговор пока идет о сумме в две тысячи семьсот тридцать пять долларов.

– Не вижу повода для беспокойства. – Сказала Трусова и поднялась со скамьи: – Я сейчас позвоню, и эти деньги через пятнадцать минут будут у вас. Для этого мне необходимо вернуться в зал. Мой мобильный телефон остался на столе.

– Спасибо, Маша. Только деньги пусть принесут не мне, а Анатолию Васильевичу. А насчет телефона не беспокойся. На шее нашего уважаемого бухгалтера висит мобильник. – Облегченно вздохнул Сазонов.

– Я тоже могу позвонить. – Проворчал Кричевский.

– Не надо куда звонить и ничего ждать. – Улыбнулся спортивный Смолин. Три тысячи баксов лежат у меня в кармане. – Он быстро прошагал в мужскую раздевалку, открыл шкаф и, достав из своего клубного пиджака бумажник, вернулся назад.

– Получите и распишитесь. – Заявил Смолин и, отсчитав купюры, протянул их Сысоеву.

– Где расписаться? – Растерялся бухгалтер.

– Шутка. – С тем же невозмутимым видом ответил Смолин. Сысоев кивнул, взял деньги и быстро вышел.

– Раз вопрос решен, я могу покинуть мужскую компанию? – Улыбнулась Трусова.

– Конечно, Маша. Спасибо тебе. – Поблагодарил Сазонов.

– За что? Я ведь вам не пригодилась. Гордые мужчины обошлись своими силами. – Возразила Трусова и удалилась. Оставшиеся проводили ее одним оценивающим мужским взглядом и Смолин прищелкнул языком:

– Гарна дивчина и бизнес справляет ладно.

– Бабы – это хорошо, но где, блядь, Натан? – Заявил Додик, закрывая тему прекрасного и возвращая мужской коллектив к плачевной реальности.

– Действительно, что здесь происходит? Где Натан? – Поддержал Додика юрист Брагин.

– Да, все это весьма странно. – Согласился Сазонов: – Шеф мужик пунктуальный, а тут на свадьбу собственной дочери опаздывает.

– А как вам, блядь, нравится весь этот банный антураж? Все едят и пьют без всякого порядка. Все-таки свадьба – ритуал с традициями. – Вопросил Додик.

– Ну это ты, Додик, зря. Натан здорово придумал. Молодежь довольна, и мы без порток чувствуем, что помолодели лет на двадцать, а на хорошеньких женщин посмотреть – вообще удовольствие. – Возразил банкир Кричевский. Сазонов оглядел брюхатого еврея не без любопытства. Уж от Кричевского он никак не ожидал одобрения столь демократичного свадебного обряда. Мужчины еще немного поговорили и вернулись в зал. Сазонов уселся в свое кресло, преисполненный чувством исполненного долга. Он нашел выход из положения и изящно заработал очко у шефа. Это было особенно приятно еще и потому, что акция не затронула собственного кармана Владимира Игнатьевича.

– Куда ты исчезал? – Раздраженно поинтересовалась Инна Николаевна.

– Искал деньги на ресторан. Натана нет, а платить надо. – Поморщившись на тон жены, объяснил Сазонов. Супруга промолчала и опять надула губки. Инна Николаевна мужу не поверила. Она видела, что Аня Табаровская тоже покидала свое место и подозревала, что супруг имел тайную встречу с первой любовью.

– Господа, хоть Натана Марковича пока нет, среди нас отец жениха и обе матери. Предлагаю Владимиру Игнатьевичу Сазонову произнести тост, – громко в микрофон предложил Анатолий Васильевич Сысоев. Говорить Сазонов умел, поэтому не растерялся, подождал, пока Сысоев подойдет к их столику и вручит ему микрофон, встал, налил себе и супруге шампанского, поднял бокал и, оглядев гостей, начал:

– Дамы и господа, наверное, не стоит объяснять, что переживает отец, когда его сын сам становится мужем. Мои чувства еще ярче от того, что невеста сына дочь моего старого друга. Мы все волнуемся, почему Веселый опаздывает. Но зато, пока его нет, я могу сказать все, что о нем думаю, и это не будет выглядеть подхалимажем. Как-никак, а Натан Маркович мой шеф. – Сазонов сделал паузу, еще раз оглядев гостей и продолжил: – Многие из присутствующих знают доброту и отзывчивость Натана Марковича. Я вижу здесь множество людей, которым Веселый не просто помог по жизни, а подставил свое плечо в самую трудную минуту. Один из таких ваш покорный слуга. Я предлагаю выпить до дна за отца моей невестки и пожелать ему удачи, которая пока его не оставляла, здоровья и счастья с его очаровательной Элеонорой Ивановной и, конечно, радости от брака дочери Лики с моим сыном Костей.

Зал взорвался аплодисментами. Сазонов поклонился, выпил свой бокал до дна и, отдав микрофон Сысоеву, уселся на место.

– Браво, вы прекрасно говорили, позвольте с вами чокнуться. – Улыбнулся полненький сосед и, легко подняв с кресла свою округлую тушку, подошел к Инне Николаевне и Сазонову.

– Я рад, что вам понравилось. – Ответил Владимир Игнатьевич и поднес свой бокал к бокалу Севы.

– Браво отцу жениха! – Поддержала мужа рыжеволосая красавица, но сперва чокнулась с Инной Николаевной: – Пусть слова вашего мужа сбудутся. Я не знакома с Натаном Марковичем, но от Севы много о нем слышала. Похоже, что это редкий тип романтика-бизнесмена. Мне такие по жизни, если не считать моего супруга, не встречались.

Инна Николаевна выдавила из себя подобие улыбки и пригубила шампанское. Не успел поленький сосед вернуться на свое место, как перед Сазоновым снова возник бухгалтер. Лицо распорядителя свадьбы трудно было узнать. Он был бледен, губы Анатолия Васильевича дрожали.

– Я должен с Вами конфиденциально переговорить. – Прерывающимся голосом зашептал он: – Давайте выйдем на минутку.

Сазонов поднялся, и они быстро пошли между столиков. Анатолий Васильевич шел впереди. Походка у бухгалтера стала странная. Он шагал, как на деревянных ходулях, и мобильный телефон болтался на его груди в такт движению. Они вышли из зала, и два молодых бритых охранника в белых рубашках и черных галстуках быстро повели их на второй этаж. Перед дверью с табличкой «директор» они остановились и, пропустив Анатолия Васильевича и Сазонова, остались в коридоре. В кабинете за директорским столом сидел карлик. От неожиданности Сазонов вздрогнул, но взял себя в руки.

– Перед вами Леонид Бесков. – С одесским акцентом отрекомендовался карлик и протянул Сазонову свою маленькую ручку. Владимир Игнатьевич понял, что миниатюрный директор с Анатолием Васильевичем недавно общался, поскольку представляться бухгалтеру не стал.

– Таки вы и есть заместитель Веселого? – Указывая Сазонову на кресло перед собой, юношеским фальцетом спросил Леонид Бесков. Владимир Игнатьевич утвердительно кивнул и опустился в кресло. Бухгалтер продолжал стоять.

– Вы тоже, пожалуйста, присаживайтесь. Я не люблю говорить с людьми, когда они нависают. С моим ростом это же затруднительно. – Намекнул Бесков.

– Да, да... – Пробормотал Сысоев и сел.

– Вам Анатолий Васильевич успел доложить? – Директор бани пристально разглядывал лицо Сазонова.

– Нет, я пока ничего не знаю.

– Час назад мне позвонил Натан Маркович. Он сказал всего несколько слов, объяснив, что долго говорить не может и попросил впустить ко мне человека, который передаст кассету. Двадцать минут назад эту кассету мне принесли. Она предназначена для Вас, Владимир Игнатович, и всех гостей свадьбы. На ней голос Веселого. – Карлик протянул свою маленькую ручку к магнитофону и нажал кнопку. В кабинете зазвучал баритон Натана. Сомнений быть не могло, говорил шеф, хотя голос его звучал необычайно серьезно. Владимир Игнатович слушал опустив глаза. Когда карлик выключил магнитофон, он, чтобы не выдать себя, прикрыл лицо ладонями. Рядом стоял бледный Сысоев, и по его лбу стекали капельки пота. Бухгалтер заговорил тем же дрожащим голосом:

– Наш шеф обращается ко всем нам. Как вы думаете, надо пустить эту запись на зал?

– Я не могу так сразу. Надо продумать. – С чрезмерным пафосом отозвался Владимир Игнатьевич и посмотрел на Сысоева: – Хотелось бы услышать ваше мнение.

– В данном вопросе я не компетентен. – Высказался бухгалтер.

– По всем правилам, господа, я обязан вызвать милицию и отдать кассету представителям закона. Но Натан Маркович просит, как вы слышали, этого не делать. Я очень его уважаю и, рискуя своим положением, предоставляю решать вам. Вы понимаете, что дав возможность озвучить обращение Натана Марковича на весь зал вверенного мне предприятия, я, как директор оздоровительного центра, становлюсь невольным соучастником.

– Соучастником чего? – Поднял бровь Сазонов.

– Всего, что здесь происходит. – Ответил карлик, стараясь не глядеть в глаза Сазонова.

– Решайте, Владимир Игнатьевич. Кроме вас тут никто не имеет права решать. – Наставил Сысоев.

– Натан просит кассету озвучить, он наш шеф, и мы должны его желание выполнить. – Выдержав паузу, значительно произнес Сазонов.

– Под вашу ответственность. – Предупредил карлик и что-то сказал в селектор. Через минуту в кабинет явился молодой человек с длинными волнистыми волосами, затянутыми на затылке в косицу.

– Наш радист Серафим. – Представил Бесков своего работника. Лицо радиста никаких эмоций не выразило.

– Вот что, Серафимчик, – обратился к нему директор: – Сегодня наше помещение арендуют гости. По их просьбе ты можешь прокрутить эту кассету на зал. До двенадцати ночи хозяева оздоровительного центра они. Именно по их просьбе. – Еще раз повторил Бесков и выразительно поглядел на Сазонова.

– Да, я вас, Серафим убедительно прошу дать эту кассету на зал для наших гостей. Вы из своей рубки зал просматриваете?

– Да, мне все видно. – Подтвердил радист.

– Я скажу несколько слов людям, попрошу их внимания, и махну рукой. Это будет сигнал для вас. По этому сигналу вы даете запись. – Распорядился Владимир Игнатович.

Радист кивнул в знак того, что задачу понял, взял из рук карлика кассету и быстро вышел.

Над столиками гремела музыка и молодежь танцевала. Сазонов встал на бортик бассейна и постучал по микрофону пальцем. Его не услышали. Тогда Владимир Игнатьевич схватил с ближайшего стола пустую тарелку и нож. Звук от удара ручки ножа о фарфор тарелки, стократно усиленный микрофоном, заставил танцующих остановиться. Музыканты плавучего оркестра прервали мелодию, и в зале наступила тишина.

– Господа! У нас случилось несчастье. Натан Маркович Веселый попал в беду. Сейчас вы услышите его обращение. Прошу отнестись к нему серьезно. Это не шутка и не свадебный розыгрыш. – Торжественно проговорил Сазонов и махнул рукой. Послышалось легкое шипение магнитофонной пленки и над притихшими гостями зазвучал голос Натана Марковича Веселого:

«Друзья, прошу прощения, что вынужден омрачить этот праздник, но я по злой воле не нахожусь с вами. Группа вооруженных людей захватила меня и требует выкупа. Бог им судья, но если через пять дней они не получают полмиллиона долларов, меня убьют. Это профессионалы, и если вы решите обратиться к властям, моя участь будет решена тут же. Поэтому убедительно прошу от заявлений в правоохранительные органы отказаться и уладить этот вопрос экономически. Если названная сумма будет собрана, Владимир Игнатьевич Сазонов передаст ее по назначению. Эти люди найдут его сами. Еще раз прошу прощения у дочурки Лики и у Кости. Не прерывайте из-за меня свадебный праздник. У вас впереди пять дней. Ваш Натан.

Голос Веселого смолк, и в зале повисла мертвая тишина. Затем послышался истерический крик Лики:

– Папа, ты где? – И люди заговорили. Сперва тихо, потом все громче и громче. Через минуту поднялся такой гвалт, что Сазонову захотелось заткнуть уши. Ему пришлось снова постучать ножиком по фарфору:

– Дамы и господа, Натан Маркович, как вы слышали, просил свадьбу не прерывать. Пускай наш праздник идет своим чередом. Всех, кого обращение Веселого душевно коснулось, жду завтра в девять в офисе нашей компании. – Владимир Игнатьевич повернулся к оркестру и попросил музыкантов продолжить свою работу. Те медленно подняли инструменты и музыка зазвучала снова. Но желающих танцевать не нашлось. Многие поспешно покидали свои места и тянулись к раздевалке. Веселье сменила мрачная, тягостная атмосфера. Купальные наряды собравшихся выглядели теперь несуразно и жутко. Вокруг Сазонова образовался кружок из гостей, который с каждой минутой становился многолюднее. Крики и восклицания стихли и перешли в негромкий гул.

– Дайте воды! Тут женщине плохо. – Услышал Сазонов в самом конце зала. Он посмотрел туда и увидел, что Аня Табаровская без сознания завалилась на пол. Несколько человек

поднимали ее и хлопотали рядом. Он бросился к Анне, но, когда подбежал, она уже сидела в кресле. Лицо Табавровской вытирали влажной салфеткой, кто-то брызгал на нее водой. Аня открыла глаза и прошептала:

– За что?

Ее подняли и осторожно повели к выходу. Только теперь Сазонов заметил, что Аню опекают толстенький директор фонда Сева Кроткин и его красавица жена.

– Не беспокойтесь. Мы ее не оставим. – Заверил Сазонова Сева и попросил разрешения приехать утром в офис.

– Мы будем рады видеть всех, кто готов проявить участие в беде Натана Марковича. – Ответил Сазонов и, пожав Севе руку, добавил: – За Аню я вам очень благодарен. В сложившейся ситуации я помочь ей не в силах. Надо думать, как спасти шефа.

Аню увели и Сазонов вернулся к оставшимся гостям. Лика плакала, прижавшись к матери, Костя, бледный, как мел, топтался рядом. Элеонора Ивановна сидела молча. Глаза супруги шефа оставались сухими и жесткими.

– Доигрался. – Сказала она Сазонову, когда Владимир Игнатьевич участливо дотронулся до ее плеча.

– Мы его спасем. – Пообещал он женщине. Она не ответила.

– Неужели мы не соберем денег? Конечно, б.... соберем. – Додик с трудом удержался, чтобы не воспользоваться своей ненормативной добавкой полностью.

– Я тоже думаю, что за деньгами дело не станет. – Поддержал Брагин.

– Да за такого человека я последние штаны сниму! – Закричал Мятишкин. Сазонов и Кричевский переглянулись. Оба подумали, что последние штаны старого неудачника на полмиллиона не потянут.

– Я сразу ничего не могу сказать. Надо разобраться с нашими финансовыми возможностями. Но в стороне не останусь. – Заявила Трусова и стала прощаться. Все выразили уверенность, что за Натана волноваться нечего.

– Вы таки не знакомы, а это Ираклий Ильич Думбадзе – директор ресторана, накормившего ваших гостей. – Представил карлик молодого долговязого кавказца.

– Очень приятно. – Натянуто улыбнулся Сысоев и тихо обратился к Сазонову – Что будем делать с оплатой свадьбы?

– Не знаю. – Ответил Сазонов. – Пусть ждут до завтра. В половине двенадцатого ночи я денег не найду.

– Тогда, будьте добры, как заместитель Веселого, переговорите с директорами ресторана и оздоровительного центра. – Шепнул Анатолий Васильевич.

– Господа, у нас возникла проблема, и сегодня мы не сможем рассчитаться. Вы, наверное, понимаете почему?

– Все понимаем – Юношеским фальцетом заверил карлик. Мы посоветовались с Ираклием Ильичом, и он предложил не брать с Натана Марковича ни цента. Пусть эти девять тысяч долларов станут нашим взносом в сумму выкупа.

Сазонов поблагодарил директоров и пожал им руки. Маленькая ручка Бескова была холодной, как у мертвеца, и нервно подрагивала. Карлик сделался пунцовым и его глубоко запавшие глазки бегали. Он явно уводил взгляд, чтобы не встретиться глазами с Анатолием Васильевичем.

В раздевалке к Сазонову подошел сын:

– Папаня, нам надо поговорить. – Лицо жениха было бледным и пухлые губы подрагивали.

– Говори. – Предложил отец.

– Мне надо поговорить с тобой наедине. – Тревожно оглянувшись по сторонам, шепнул Костя. Сазонов взял сына за руку и увел в душевую.

Домой Владимира Игнатьевича и Инну Николаевну вез Кричевский. Он сидел рядом с водителем, а супруги Сазоновы расположились на заднем сидении.

– Полмиллиона – сумма приличная. – Задумчиво произнес банкир.

– Да, задача не из легких. Но у Натана много состоятельных друзей. Уверен, что они не оставят его в беде. – Ответил Сазонов: – Я лично выложу все, что у меня есть, до копейки.

Инна Николаевна встрепелась, зло посмотрела на мужа и уже открыла было рот, но вовремя спохватилась и промолчала.

– Пол миллиона – это пол миллиона. – Повторил Кричевский, и оптимизма в его голосе не чувствовалось.

Поднявшись в квартиру, Владимир Игнатьевич хотел шмыгнуть в свой кабинет, но Инна Николаевна его остановила:

– Ты, идиот, серьезно хочешь отдать все наши деньги?! Вспомни, как мы сидели без гроша и я бегала, рекламируя этот проклятый «гербалайф». Ты забыл, что такое пустой холодильник? Не вздумай выказывать за мой счет свою щедрость. Без тебя разберутся. Натан богач. Пусть Элеонора думает, как выкупать своего благоверного.

– Дура, как я могу остаться в стороне? Мне же с Натаном работать. – Раздраженно возразил Сазонов. Он ждал, что супруга станет кричать и доказывать, но Инна Николаевна молча смотрела на мужа. Ее маленькие подведенные глазки вдруг стали влажными, она быстро заморгала, прижалась к Сазонову и прошептала:

– Вова, мне страшно.

Сазонов нехотя обнял жену и повел в спальню:

– Не надо, Инна. Все будет хорошо.

– Не уходи. Я не хочу, чтобы ты сегодня опять спал в кабинете. Давай ляжем вместе. – Попросила Инна Николаевна, продолжая цепляться за его руку.

– Ну, хорошо, хорошо. – Поморщившись, согласился Сазонов и начал раздеваться. Уже лежа в постели, он с брезгливым беспокойством наблюдал, как супруга снимает платье, открывая взору свои могучие прелести, как она надевает кружевное спальное белье и присаживается на постель. Под ее весом пружинный матрас покачнулся и жалобно заскрипел. Сазонов с испугом подумал, что эта женщина – его жена и может потребовать супружеских ласк. Он быстро отвернулся к стене и сделал вид, что моментально уснул. С законной супругой он давно перестал этим заниматься. Для любви у Сазонова была совсем другая женщина. Инна Николаевна потрогала мужа за плечо:

– Ты уже спишь? – И, не получив ответа, горько вздохнула и выключила маленькую лампочку.

* * *

– Мы двор на ночь закрываем, тут спать не положено. Иди домой. – Тряхнув задремавшего клиента за плечо, потребовал крепкий молодец из охраны «Оздоровительного центра». Гости столь печально закончившегося свадебного пира разошлись, а потрясенный несчастьем шефа Мятишкин, прихватив со стола бутылку, старался забыться. Поняв, что его гонят, он виновато улыбнулся, засунул недопитую емкость в карман и поплелся прочь. У ворот его окликнул Смолин. Усаживаясь в свой «Фольксваген», Сергей отметил нетвердую походку Мятишкина и предложил подвезти. Но тот отказался:

– Езжай, Сережа. Мне на воздухе легче.

Радиообращение Натана Марковича к друзьям глубоко взволновало Мятишкина, и он желал загасить шок выпивкой.

– Смотри, не напивайся, а то по голове дадут и разденут. – Предупредил Смолин и уехал.

Ночная Москва обезлюдела. Александр Леонидович вошел в первую попавшуюся подворотню и поискал глазами скамейку. Скамейки не оказалось, зато возле помойных контейнеров кто-то выставил колченогий стул. Мятишкин обрадовался, отнес стул к плешивой клумбе с замороженными ноготками, и обстоятельно уселся. Где-то во дворе хлопнула дверь, и раздался пронзительный собачий лай. Тонкий истеричный голос собачонки заставил Александра Леонидовича поморщиться. Он покрутил головой и увидел нарушителя тишины. Белый пушистый шарик докатился до ног Мятишкина, понюхал его брючину, еще пару раз визгливо тявкнул и затих рядом.

– Чего пришел, ты же не пьешь. – Философски заметил Александр Леонидович, разглядывая песика. Комок перевернулся и подставил человеку свое лысоватое брюхо.

– Почесать, что ли? – Спросил Мятишкин, и носком ботинка прошелся по пузу. Песик всем своим существом выразил удовольствие. Александр Леонидович, вздохнул и еще раз провёл по пузу пса.

– Вот такие дела, дружок. – Сказал он собачке: – Ты не знаешь, кто такой Натан Маркович и что он для меня сделал. И откуда тебе знать, глупой твари. Ты не думай, я теперь редко пью. Меру знаю, а раньше, пока меня Натан Маркович не подобрал, пил как сапожник.

Песик, заскукав, что его больше не ласкают, подобрался к ноге случайного хозяина и толкнул его носом.

– Не перебивай, когда с тобой Мятишкин говорит. – услышал песик, повернулся на живот, прилег, прислонившись к ботинку доброго пришельца и дернул ухом.

– Так-то лучше. – Похвалил Мятишкин: – Когда-то я инженером работал. У меня и диплом есть. Правда, не знаю куда дел. Но есть. И называли меня раньше уважительно, хоть и молодой. А теперь по имени-отчеству только Натан Маркович называет. – Мятишкин нашел слушателя и ударился в воспоминания.

Генерального директора компании «Риск» он не зря считал своим спасителем и боготворил. И пьяницей Мятишкин был не всегда. Зеленый змий напал на него в зрелом возрасте. Это произошло много лет назад, когда Александра Леонидовича по блату устроили работать в престижное Четвертое управление. мрачное здание привилегированной поликлиники находилось недалеко от Красной Пресни. В нем лечились начальники главков, трестов и прочее руководящее звено средней руки. Характер молодой инженер имел компанейский, и вскоре стал душой огромного коллектива. Ни одно торжество, будь то день рождения или выход очередного сотрудника на пенсию, без улыбочивого технаря не обходилось. Александра Леонидовича отмечали как уборщицы, так и профессора.

Мятишкин добыл из кармана бутылку и присосался к горлышку. Несколько капель достигло головы песика. Зверек вскочил и, злобно зарывчав попятился. Мятишкин вздрогнул от неожиданности:

– Не любишь спиртного братец?

Ответа Мятишкин не дождался. В соседнем дворе заорали кошки и, песик, залившись истошным лаем, бросился воевать с вечным врагом.

– Когда-то уважали меня большие люди, а теперь даже собака выслушать не хочет...

Пьяница не преувеличивал. Лечиться в правительственной клинике мечтали многие. Имея возможность предоставить закрытое лечебное заведение своим протеже, Мятишкин считался человеком незаменимым, и его везде принимали с распростертыми объятьями. Инженер Четвертого управления посещал премьеры и закрытые просмотры, получал приглашения на юбилеи. И везде изрядно выпивал, пока не превратился в заурядного пьяницу.

Понемногу бывшие приятели перестали узнавать. Отказывались пускать и знакомые швейцары, охранявшие двери творческих клубов. Оставались скверы летом и подъезды зимой... Жена, озверев от постоянного пьянства, выгнала выпивоху из квартиры, и он поселился у своей хромой сестрицы. Это была сухая, сердитая на вид, очень одинокая женщина. Ее

одинокости и обязан крышей над головой спивающийся братец. Сестра вечно молчала, поджав тонкие губы, и нельзя было понять, обиженна она или пребывает в хорошем настроении. Общались они мало. Дома Мятишкин только ночевал, а с утра уходил на улицу, где слонялся в поисках спиртного до позднего вечера.

Может быть, он бы и погиб, как тысячи других алкашей, но неожиданно в жизни пропадающего гуляки появился Натан Веселый.

Это произошло, как в рождественской сказке. Столица готовилась к встрече очередного нового года. Центр светился витринами дорогих магазинов, над улицами мерцали гирлянды праздничной иллюминации. Спившийся инженер медленно брел по Тверской и, по обыкновению, оглядывал прохожих жалостным просящим взглядом. Он уже потерял надежду на глоток спиртного, когда рядом притормозил черный лимузин. Мятишкин не сразу понял, что окликнули его. Столь уважительно к нему давно не обращались.

– Александр Леонидович, подождите. – Услышал он свое имя и растерянно оглянулся. Из лимузина вышел мужчина средних лет, с маленькой аккуратной бородкой:

– Вы меня не узнаете?

Ленивый мозг смутно ощутил нечто знакомое, но столько разных лиц промелькнули в тумане пьяного бытия, что все в нем давно запуталось:

– У меня неважно со зрением... – Соврал Мятишкин, чтобы не обидеть потенциального мецената. Чутье пропойцы обещало выпивку.

– Я Натан. У моей жены была проблема с грудью, и вы устроили ее на прием к прекрасному врачу. Ее выздоровление мы с вами славно отмечали в кабаке ВТО. – Напомнил незнакомец. Мятишкин радостно закивал, хотя мужчину с аккуратной бородкой по имени Натан, как и многих других из той прошлой жизни, напрочь забыл.

Господин с бородкой внимательно оглядел своего старого знакомого. По потертой, но некогда модной дубленке и стоптанным башмакам с неряшливыми веревочками вместо шнурков, Натан Маркович легко определил, с кем имеет дело, но его это несколько не смутило:

– Садитесь в машину. Я сейчас еду на короткую деловую тусовочку, а потом мы отметим нашу встречу и прикинем, как вам помочь.

Мятишкин смущенно замычал и осторожно залез на кожаный диван черного лимузина. В салоне работал кондиционер и пахло деньгами. Водитель миновал Тверскую и свернул на улицу Правды. Ждать пришлось минут двадцать. За это время, проявив некоторую хитрость, Александр Леонидович выведал у водителя Мити полное имя своего благодетеля. Узнал он также, что Натан Маркович Веселый возглавляет крупную компанию и деньги делает «одной левой». Вернувшись, бизнесмен приказал ехать на Кузнецкий мост. Они остановились возле шикарного отеля. Веселый отпустил машину и повел Мятишкина в сияющий позолотой ресторан... Швейцар преградил было им дорогу, но, взглянув на бизнесмена, подобострастно заулыбался и с поклонами проводил их до раздевалки.

– Здравствуй, Натан Маркович. С наступающим! Давненько у нас не были. – Бормотал гардеробщик, выскакивая из-за стойки, чтобы снять с богатенького клиента пальто. Затем, безглаголиво двумя пальцами, принял шубу Александра Леонидовича.

После грязных подворотен и вонючих подъездов хрустящие белоснежные скатерти и блеск хрусталя нагнали на Мятишкина робость. Но после третьей рюмки он перестал стесняться и пришел в себя. Когда-то инженер Четвертого управления обедал в подобных местах по несколько раз в неделю...

Они поели грибов с телятиной, выпили по сто граммов водки и разговорились. За десертом Веселый спросил:

– Крыша над головой есть?

– У сестрицы проживаю. – Осмелев от алкоголя, поведал Мятишкин.

– Сможете трезвым продержаться семь часов? – Вопрос застал старого пропойцу врасплох.

– Наверно, смогу. – Не очень убежденно прикинул Александр Леонидович.

– А пять?

– Пять точно смогу. – На сей раз голос Мятишкина звучал уверенно.

– Пойдете ко мне на фирму. – Непринужденно предложил Веселый.

– Что делать? – Растерялся спившийся инженер. Он давно не работал и не хотел подводить щедрого работодателя.

– Придумаем. – Улыбнулся бизнесмен и протянул визитку с адресом своей фирмы.

На следующее утро Александр Леонидович побрился, погладил брюки и отправился в офис компании «Риск». В проходной его грубо задержали, но, услышав фамилию, извинились и провели в директорский кабинет.

Обещание держаться пять часов без выпивки Мятишкин, к удивлению Натана Марковича, сдержал. Через месяц он мог обходиться без алкоголя весь рабочий день, а через полгода, трезвый как стеклышко, торчал в офисе до позднего вечера. Директор выделил Александру Леонидовичу маленький кабинетик, где старательный работник часами ожидал распоряжений. Иногда его просили отвезти пакет в другую часть города, иногда не просили ничего. Главным делом Мятишкина было сидеть и ждать.

С тягой к спиртному в рабочее время он успешно боролся. Дома, перед сном, все же позволял себе сто пятьдесят грамм, а по выходным принимал крепко, но до свинства напиваться перестал. Отметив прилежность бывшего алкоголика, Натан Маркович приказал своей секретарше Северцевой одеть его за счет компании. Они проехали на служебном мерседесе по магазинам, и Мятишкин преобразился. В добротном костюме и при галстукe он стал походить на коллег. Лишь слабый запах перегара держался крепко но, смешиваясь с дорогим парфюмом, не действовал столь омерзительно на окружающих. В офисе новенького не обижали. Он находился под личной опекой всесильного Натана. Поначалу из уст генерального почтительное обращение «Александр Леонидович, «вы» коллег удивляло. Веселый всем говорил «ты», и хоть матом не ругался, но в выборе выражений с подчиненными себя не стеснял. Это создавало новому работнику особый ореол среди служащих компании.

За неделю до свадьбы дочери генеральный заглянул к Александру Леонидовичу в конце рабочего дня и попросил задержаться. Мятишкин не собирался уходить раньше шефа, о чем жалостливо того заверил:

– Я всегда после вас. Спросите у охраны.

– Каждый день можете не торчать до ночи, но сегодня вы мне понадобится, – ответил Веселый и через час заглянул снова: – Давайте немного пройдемся по воздуху.

Мятишкин засветился своей доброжелательной улыбкой и они вышли из офиса. Натан взял своего сотрудника под руку и повел по улице. Мерседес шефа медленно катил сзади.

– Александр Леонидович, у меня к вам большая просьба. – Негромко начал Веселый, когда они метров на сто удалились от особняка компании.

– Вы же знаете, Натан Маркович, я ради вас горы сверну. – Обрадовался возможности доказать свою преданность бывший пьяница.

– Спасибо. С горами пока повременим. Я хочу открыть на ваше имя запасную фирмочку и счет в банке. Если мне понадобится сбросить большие деньги, я им воспользуюсь. Вам я доверяю, как брату.

Мятишкин закивал и чуть не прослезился:

– Что надо делать?

– Вам делать не надо ничего. Дайте мне свой паспорт, а остальное я сделаю сам. О нашем разговоре никому ни слова. Только три человека будут в курсе – вы, я и Сазонов. – Предупредил Натан.

– Да я лучше сдохну, чем начну трепать. – Поклялся Мятишкин и полез в карман. Веселый взял паспорт, поблагодарил, и попрощавшись с ним за руку, дал знак водителю.

– Вы доедете сами? Я спешу. – Улыбнулся Веселый и, получив заверения Мятишкина, что тот прекрасно доберется на метро, скрылся в салоне своего лимузина.

Через два дня в его кабинетик заглянул Сазонов и со словами «Смотрите не теряйте, а то очень нас подведете,» вернул паспорт. Самого шефа Мятишкин с тех пор не видел.

И вот теперь выяснилось, что благодетель в лапах негодяев.

Александр Леонидович сбережений не имел и, доканчивая бутылку в туманном рассвете столичного утра, клял себя за прошлую беспутную жизнь:

– Будь у меня накопления, я бы до последней копейки отдал гадам. Только бы проклятые бандюки Натана Марковича отпустили. – Растирая рукавом пьяные слезы, бил себя в грудь преданный сотрудник. Колченогий стул не выдержал эмоций, ножка его подломилась, и Мятишкин, подмяв под себя чахлые городские ноготки, повалился на клумбу.

* * *

– Проходите, господа, рассаживайтесь. Кофе, коньяк. – Без конца повторяла Лена Северцева, обходя стол по кругу. Часы в холле офиса компании «Риск» показывали без пяти девять. Сазонов встречал друзей Натана Веселого, которые пришли выразить свое сочувствие похищенному банкиру и оказать ему помощь.

На огромном овальном столе в конференцзале сверкал хрусталь бокалов для минеральной воды, поблескивали маленькие серебряные рюмочки для коньяка и прозрачно белел молочный фарфор кофейных чашек. Сазонов, одетый в шерстяной черный костюм и белую сорочку, украшенную великолепным темно-серым галстуком, был внимателен и серьезен. Он пожимал протянутые руки и жестом указывал на двери конференцзала. Там уже разместилось человек пятнадцать, но народ продолжал прибывать. Секретарша Натана Марковича, Лена Северцева, ухаживала за гостями, разливая воду и кофе. Пить коньяк гости пока воздерживались.

– Жопка у нее хороша. – Мечтательно сообщил Брагину Сергей Смолин, внимательно оглядывая Лену со спины.

– Натан был мужик со вкусом. – Согласился юрист.

– Почему был? Ты Натана, блядь, раньше времени не хорони. Он пока жив-здоров и богат. – С раздражением заметил Додик.

– Я вовсе не об этом, чего ты взъелся? – Растерялся Брагин. Он хотел еще что-то добавить, но появилась Трусова, и юрист с удовольствием переключился на нее:

– Приятно лицезреть красивую преуспевающую молодую даму.

– Притащила бабки? – Поинтересовался у Маши Додик.

– С трудом выкроила десять тысяч. Все деньги в обороте.

– Ты, Трусова, кем до Натана была? Подзаборной матерью-одиночкой, а теперь ты – бос, блядь, жопу отрастила, а кладешь жалкие десять штук баксов! – Крикнул Додик, наливаясь краснотой: – Я и то принес пятнадцать!

– Эдуард Степанович, можно без мата. – Одернул Додика Сысоев.

– Можно и без мата. Но я, блядь, прав. Неужели она не понимает, что Натан поднял ее из песка, а теперь пытается отделаться от него копейками. – Оправдывался Додик.

– А ты бы, Ветряков, вообще молчал. Твоя шлюха-дочь тратит в месяц на наркотики больше, чем ты приволок Натану. – Презрительно поглядев на Додика, бросила Трусова.

– Господа, кофе, минеральная, коньяк. – Снова возникла Лена Северцева.

– Да я... – Додик вскочил с кресла, отпихнул Лену и, глотая ртом воздух, искал слова, чтобы ответить на обиду: – Я все выгреб, что было в наличии из трех магазинов. Не могу

же я, блядь, кинуть этим бандюкам товар. Пожалуйста, если они согласны принять туфли и колготки, пусть, ити их мать, очистят все мои склады. А дочку, ты, сука, не тронь. Это мой крест. Вырастишь своих, тогда посмотрим.

– Что вы лаетесь? Надо выручать Натана, а не грызться между собой. – Проговорил брюхатый Кричевский, усаживаясь в кресло.

– А ты, Миша, сколько выложишь? Открой нам, во что ты ценишь дружбу с Натаном. – Ехидно поинтересовалась Трусова.

– Не ваше дело. – Огрызнулся банкир.

– Ну почему же? Мы все тут собрались, чтобы спасти Веселого, и нам скрывать друг от друга нечего. – Возразил Брагин.

– Я ничего не скрываю. Я принес двадцать пять тысяч своих личных денег. – Тяжело вздохнув, открылся Кричевский.

– Всего-то!? Ты же, блядь, владелец банка! – Воскликнул Додик.

– Господа, кофе, коньяк... – Заученно предложила Северцева.

– Иди ты со своим коньяком. – Отмахнулся Додик.

– Не обижай девушку, она при исполнении. А насчет банка, ты, Додик, не прав. Я маленький наемный директор, а вовсе не владелец и распоряжаться могу только своими средствами, а не деньгами своих вкладчиков. – Не без гордости сообщил Кричевский и подставил свой бокал Лене. Испуганная Северцева дрожащими руками нацедила банкиру минеральной воды.

– О чем вы!? Его же убьют! – Раздался истерический женский крик. Все обернулись и увидели Анну Табаровскую. Она стояла у камина и глядела на собравшихся огромными, полными ужаса глазами.

– Чего орешь? Сама-то сколько принесла? – Зло спросила Трусова.

Анна Яковлевна с удивлением посмотрела на нее и шепотом ответила:

– У меня денег нет. Но я готова отдать свою жизнь, если это ему поможет. – Голос ее окреп и зазвенел. Она подошла к Трусовой, и глядя ей в лицо, выпалила: – Я могу сама пойти к этим бандитам, чтобы они убили вместо него меня.

– Вы слышали! Она готова отдать жизнь, а денег у нее нет. Как красиво. – Трусова громко и деланно рассмеялась.

– Вам не стыдно? – Сазонов вошел вместе с бухгалтером и, взяв Табаровскую под руку, повел ее к столу:

– Садись, Аня. От тебя денег никто не просит.

– Почему же? Чем она лучше нас. Вешается всю жизнь Натану на шею, а как дошло до дела, смотрит нам в руки. – Зло заявила Трусова.

– Сейчас же замолчите! – Крикнул Сазонов. Табаровская зарыдала и выбежала из конференц-зала. Возникла неловкая пауза, которую нарушил растерянный голос Лены Северцевой:

– Господа, коньяк, кофе, минеральная вода...

Сазонов проводил Табаровскую взглядом, с трудом удержал себя, чтобы не выйти за ней, но пересилился и обратился к бухгалтеру:

– Анатолий Васильевич, доложите присутствующим наши соображения.

Сысоев в твидовом пиджаке и безупречно повязанном галстуке выглядел куда уверенней, чем накануне в плавках. Он достал из кармана свой блокнот и обстоятельно начал:

– Господа, компания «Риск» имеет на данный момент сто тридцать тысяч наличной валюты. Это директорский фонд Веселого. Еще мы располагаем ценными бумагами на сумму примерно в два миллиона долларов. Но реализация этих бумаг в столь короткий срок затруднительна. Кроме того, мы вынуждены средства для выкупа генерального директора не показывать налоговым органам. Иначе этим делом сразу займется прокуратура. А как вы поняли, Натан Маркович просил в органы не обращаться. Если бы не это обстоятельство, мы бы спра-

вились без посторонней помощи. А так вынуждены просить вас. – Анатолий Васильевич смолк и оглядел собравшихся. В зале послышался гул. Сазонов поднял руку и встал:

– Я предлагаю, чтобы зря не расходовать ваше время, начать по порядку. Прямо с кресла у окна. На нем как раз сидит один из близких друзей Натана Марковича, – он выдержал паузу и кивнул на Кричевского.

– Зачем начинать с меня? Я человек маленький, наемный. Тут есть ребята побогаче. – Недовольно проворчал банкир, но полез в карман, и дело пошло.

Владимир Игнатьевич довольно быстро обошел всех и через сорок минут процедура сбора средств для выкупа Веселого подошла к концу. Бухгалтер Сысоев едва успевал вносить в свой блокнот имена и выдавать расписки. Некоторое удивление вызвал незнакомый молодой человек, который неожиданно встал, нечаянно толкнув спящего в кресле Мятишкина и внес самый значительный вклад в пятьдесят тысяч долларов.

– Вы тоже друг Натана Марковича? Странно, что я вас раньше не видел. – Внимательно оглядев незнакомца, проговорил Сазонов.

– Я – секретарь фонда, и вношу эту сумму по поручению нашего директора, Всеволода Зиновьевича Кроткина.

Сазонов пожал руку молодого человека и вспомнил пухленького соседа по вчерашней свадьбе:

– Передайте господину Кроткину и его очаровательной супруге искреннюю благодарность от всех работников компании «Риск». – Улыбнулся он. К половине одиннадцатого конференцзал опустел. В кресле остался один Мятишкин. Но он после вчерашней ночи выглядел неважно, и его не беспокоили. Анатолий Васильевич, не обращая внимания на спящего, пересчитывал валюту и аккуратно связывал купюры в пачки по десять тысяч.

– Сколько? – Поинтересовался Сазонов.

– Двести восемьдесят тысяч пятьсот. – Ответил Сысоев.

– Плюс директорский фонд?

– Да, и при этом до полмиллиона недосдача немногим более ста тысяч долларов. – Ответил бухгалтер.

– Эту сумму я погашу сам. – Твердо сказал Владимир Игнатьевич.

– Что делать с собранными средствами? Держать их в офисе рискованно. Если произойдет ревизия, я не смогу объяснить происхождение этих денег. – И Сысоев многозначительно поглядел на Сазонова.

– Анатолий Васильевич, я вам доверяю как самому себе и очень прошу до того момента, когда эти ублюдки меня найдут, хранить всю сумму у себя, и там, где вы посчитаете нужным. – Покосившись на похрапывающего Александра Леонидовича, ответил Сазонов.

– Но для выкупа надо еще сто пятнадцать тысяч долларов. – Напомнил бухгалтер.

– Не беспокойтесь. У нас в запасе четыре дня, и я сказал, что сам решу эту проблему. – Повторил Владимир Игнатьевич и попрощался: – Меня в офисе не ждите. Необходимо время, чтобы эти злосчастные доллары добыть.

Сысоев понимающе кивнул. Владимир Игнатьевич быстро вышел из конференцзала и заглянул в приемную. Секретарши на месте не оказалось. Сазонов вошел в огромный кабинет Натана Марковича, на минуту присел в кресло и открыл ящик письменного стола. Приподняв несколько папок, он извлек из-под них небольшую черную коробку, осторожно запихнул ее во внутренний карман пиджака, медленно задвинул ящик на место и на мгновение замер в кресле. Затем решительно поднялся и вышел. Миновав коридор, он мимоходом глянул в распахнутые двери буфета, и увидел, что водитель Веселого, Митя, флиртует с Леной Северцевой, пока та моет посуду. Ни девушка, ни молодой человек его не заметили. Спустившись вниз, Сазонов кивнул охране и вышел из офиса. Директорский «Мерседес» стоял на своем обычном месте. Владимир Игнатьевич, как заместитель Натана, вполне мог пользоваться машиной,

но, оглядев лимузин, двинулся пешком. Особняк компании «Риск» располагался на улице с вызывающим названием Коммунистическая. Несмотря на это, на ней находилось единственное здание, имеющее хоть какое-нибудь отношение к пролетариату – небольшая ткацкая фабрика. Остальная часть улицы состояла из особняков, арендуемых богатыми фирмами. Один ее конец упирался в Таганскую площадь, другой выходил к Заставе Ильича. Сазонов направился в сторону Таганки. Он миновал шикарный ресторан «Конь и пес» с массивным подъездом, обошел красовавшийся на тротуаре щит, где прохожих заманивали на бизнес-ланч «всего» за триста рублей с персоны, и у щита приостановился. Сделав вид, что изучает меню, внимательно осмотрелся вокруг, перешел на противоположную сторону, еще несколько раз оглянулся, через проходной двор выбрался на Большую Коммунистическую и зашагал к метро. Без десяти час он уже отпирал дверь своей квартиры.

Инна Николаевна никак не ожидала увидеть супруга в столь раннее время. Обычно он являлся с работы около девяти вечера, а часто задерживался и позже. Мадам Сазонова сидела на кухне опустив ноги в таз с горячей водой и делала себе педикюр. Супруг взглянул на жену, безразлично поморщился и молча удалился в свой кабинет.

– Володя, ты пришел пообедать? – Спросила Инна Николаевна, проследовав за мужем босиком и остановившись на пороге.

– Я сыт. – Нелюбезно отрезал Сазонов и углубился в недра своего письменного стола.

– Ты ничего не хочешь мне рассказать? – Удивилась женщина.

– А что бы ты хотела услышать? – Не поднимая головы, поинтересовался Владимир Игнатьевич.

– Хотя бы, как поживают наши дети. Костя так и не удосужился мне позвонить. – Обиженно пожаловалась Инна Николаевна.

– Ничего удивительного. Лица, наверное, волнуется за отца, Костя успокаивает молодую жену, и ему не до родителей. – Владимир Игнатьевич вынул из ящичков с десятков альбомов и при помощи пинцета, быстрыми, профессиональными движениями, начал перекладывать марки из альбомов в конверты.

– Что ты делаешь? – Инна Николаевна подошла к мужу, оставляя на паркете мокрые следы.

– Готовлю коллекцию к продаже. – Железным тоном пояснил Сазонов.

– Как, ты хочешь расстаться со своими марками?! – Воскликнула Инна Николаевна.

– Я хочу расстаться со всем, что у меня есть. – Спокойно сообщил Сазонов.

– Это ради него? Неужели Элеонора и все его богатенькие друзья не нашли денег?

– Элеонора не соблаговолила явиться, а друзья нашли, но не все.

– Законной жене наплевать, а ты, идиот, лезешь из кожи! – Продолжала громко возмущаться мадам Сазонова.

– Знаешь, Инна, наверное, нам больше незачем жить вместе. Сына мы вырастили и больше нас ничего не связывает. Я тебе дам деньги на первое время, а потом ты устроишься на работу. Я сам останусь нищим и долго помогать тебе не смогу. – Владимир Игнатьевич, наконец оторвался от марок и посмотрел в лицо жене. Она шагнула к нему, вытянула руки, и так с протянутыми к мужу руками, замерла.

– Я не расслышала... Что ты сказал?

– Ты прекрасно все расслышала. Я больше с тобой жить не хочу. Мы разводимся. – Жестко бросил Владимир Игнатьевич и убрав конверты с марками в кейс, поднялся из кресла.

– Ты меня не оставишь! Ты не посмеешь! Мы прожили почти тридцать лет вместе. В трудные годы я всегда все делала, что ты просил! – Закричала Инна Николаевна.

– Не ори. Делала и молодец. Теперь тоже сделай, что я прошу, оставь меня в покое. – Сказал Сазонов, направляясь к двери. Инна Николаевна остановила его, ухватила за рукава:

– Если у тебя появилась другая женщина, пусть. Я стерплю и скандалов не будет. Только не говори этого страшного слова «развод». У нас же сын. Костенька не переживет....

– Костенька?! – Сазонов вдруг расхохотался.

– Что ты смеешься? – Прошептала Инна Николаевна и от неожиданности отступила.

– Костеньке на нас плевать. Думаешь, твой сын такой чувствительный? Веришь, что он женился по любви? Дудки. Костя расчетливый молодой мерзавец. Он женился не на Лике, а на капиталах ее папаша. Косте нравилась Соня. Но Соня беденькая, а Лика дочь миллионера. – Владимир Игнатьевич перестал смеяться: – Представляю, в каком сейчас бешенстве наш сынок.

– Я поняла. Я все поняла! – Истерически крикнула Инна Николаевна.

– Что ты поняла? Что ты вообще можешь понять?! – Сазонов старался не заводить, но злобы скрыть не мог.

– Ты уходишь к Табаровской. Эта гадина пронюхала, что Натану конец, и решила переметнуться к тебе. Я ее задушу!

Сазонов побледнел и, сжав кулаки, двинулся на жену:

– Если ты при мне хоть раз назовешь имя Ани, то я сам пришибу тебя своими руками.

Инна Николаевна пискнула и выбежала из кабинета. Владимир Игнатьевич минуту постоял, затем застегнул пиджак и вышел из квартиры. Запирая за собой дверь, он слышал, как Инна Николаевна рыдает. Лифт застрял на верхнем этаже, судя по возне и шуму, там что-то грузили или выгружали. Владимир Игнатьевич секунду помедлил и побежал вниз по лестнице. Выйдя на улицу, поднял руку и остановил частного:

– На Варварку. – Бросил он, усаживаясь на заднее сидение. Центр оказался на удивление спокойным и частник быстро докатил до места. Отпустив машину, Сазонов вошел в подъезд трехэтажного дома с табличкой «Памятник архитектуры охраняется государством», позвонил по внутреннему телефону и ему выписали пропуск. Показав его постовому, он поднялся на второй этаж и остановился возле двери с табличкой «Референт Л. Н. Шапиро» В небольшом кабинете дым стоял коромыслом и двое мужчин громко спорили.

– Не может он в своем выступлении ГАЗПРОМ задевать. Как ты не понимаешь! – Доказывал лысоватый хозяин кабинета, одетый в рыжую ковбойку, расстегнутую на груди, высокому молодому джентльмену в белой сорочке при галстук, но без пиджака.

– Будет звучать неубедительно. Когда мы еще дождемся такого удобного случая, чтобы им немного нагадить? – Вопросил джентльмен в галстук.

При виде Владимира Игнатовича, хозяин кабинета широко заулыбался и пятерней почесал волосатую грудь:

– Сазонов, проходи, дорогой. Если бы ты знал, как они мне все надоели. Вот вижу тебя, и душа радуется.

– Лев Наумич, есть разговор. Если ты занят, подожду. – Не отвечая на улыбку, серьезно произнес Владимир Игнатович.

– Давай, Славик, чеши к себе. Дай с хорошим человеком переговорить. Это наш филателист, он меня с речами для правительства не достает. С ним я душой отдыхаю. – Закруглил производственный спор Лев Наумович и указал Сазонову на освободившееся кресло. Владимир Игнатьевич дождался, когда за Славиком закроется дверь, сел в кресло напротив хозяина и молча вынул из кейса несколько конвертов, выложил их на стол:

– Мне, Лева, нужны деньги. Дай мне под залог моей коллекции двадцать пять тысяч долларов. Ты ведь догадываешься, что она стоит в два раза больше?

– Спятил!? Продать такую коллекцию! Попал с бабками? Ты же не игрок? – Дрожащими руками принимая конверты, изумлялся референт Шапиро.

– Надеюсь, через месяц верну деньги с процентами. Ну, а если не верну, коллекция твоя. Друга выручать надо. – Сазонов заметил, с какой жадностью хозяин кабинета схватил его конверты, извлек из кармана лупу и принялся разглядывать маленькие бумажные квадратики.

– При себе у меня таких денег нет. Ты до завтрашнего утра терпишь? Мне надо министру речь кончить. – Не отрывая взгляда от марок, спросил Лев Наумович.

– Деньги нужны к четвергу. Тебе три дня хватит?

Хозяин кабинета утвердительно кивнул. Сазонов закрыл свой кейс и поднялся.

– Ты мне их оставляешь? – Указывая на конверты, изумленно прошептал Лев Наумович.

– Конечно. Надеюсь, ты с ними в Америку не сбежишь. – Усмехнулся Сазонов.

Лысоватый филателист посмотрел на него с удивлением и, когда смысл вопроса до него дошел, рассмеялся:

– Все шутишь. Мне в Америку бежать нельзя. Льву Шапиро доверены тайны Империи. – Многозначительно сообщил Лев Наумович: – Ладно, Сазонов, надеюсь, ты выкрутишься, но семь процентов я с тебя сдеру. Деньжонки стали доставаться туго. Сейчас не девяносто первый год.

– Знаю. Пропуск подпиши. – Сазонов протянул бумажку, подождал, пока Шапиро достанет из футляра «паркер» с золотым пером и выведет свою подпись, пожал референту руку и вышел в коридор. После прокуренного кабинета воздух здесь показался ему восхитительным. Владимир Игнатьевич вздохнул полной грудью и спустился по лестнице. На улице шел мелкий дождь, а Сазонов не взял плаща. Подняв кейс над головой, он быстро дошагал до подземного перехода и юркнул вниз. От станции «Китай-город» до Тургеневской поезд мчал без пересадки. Все путешествие заняло семь минут. Выйдя из метро, Владимир Игнатьевич снова спрятал свою прическу под кейсом и бегом поспешил вдоль бульвара. Бежать пришлось недолго. Возле подъезда многоэтажного каменного дома с табличкой «Банк Становление» Сазонов приостановился и нажал кнопку переговорного устройства. Через минуту двери раскрылись и он проник в огромный вестибюль, отделанный белым мрамором. Здесь его знали и пропуск не понадобился. Поправив свою прическу возле высоченного зеркала в резной раме, он уверенно направился вглубь. Возле кабинета с надписью «директор» стоял секьюрити с коротким автоматом. На посетителя он внимания не обратил. Сазонов миновал приемную, кивнул секретарше, постучал и, не дожидаясь ответа, раскрыл массивную дубовую дверь. В кабинете, больше смахивающем на зал, за маленьким письменным столом красного дерева сидел Кричевский.

– Так и знал, что ты ко мне припрешься. – Бросил он Сазонову, не отрывая взгляда от своих бумаг. Владимир Игнатьевич никак не среагировал. Он спокойно уселся на мягкий кожаный диван и задрал ноги на журнальный столик.

– Денег больше не дам. – По-прежнему не глядя на гостя, проворчал Кричевский.

– Ты не дашь, твой банк даст. – Невозмутимо возразил Владимир Игнатьевич.

– Это с какой стати? – Кричевский от удивления оторвался от бумаг и с интересом посмотрел в глаза Сазонова.

– Я тебе под залог документы на свою квартиру принес. – Сказал Владимир Игнатьевич, постучав пальцем по крышке кейса.

– Ну, ладно, показывай, раз принес. – Кричевский снял очки и внимательно наблюдал, как заместитель директора компании «Риск» роется в своем чемоданчике. Сазонов достал прозрачную папку с документами, встал и протянул ее Кричевскому:

– Ты себе столик побольше не хочешь завести?

– Нет, не хочу. Знаешь, мой дорогой, засрать бумагами можно любой стол. Этот маленький дисциплинирует. – Возразил банкир и принялся изучать содержимое папки.

– Мне нужно сто пятнадцать тысяч. – Безразличным тоном изрек Сазонов.

– Не добрали? – Понимающе промычал Кричевский.

– Умный ты, Миша. Не зря тебя акционеры директором выбрали. – Похвалил банкира Сазонов.

– Да, Володя, акционеры ребята ушлые. Вот и подумай, как я им докажу, что дал поточную цену за твою квартиру?

Сазонов не ответил.

– Молчишь? То-то же. Ладно, ради Натана придется пожертвовать интересами банка. Рисковый ты парень, Вова. Пиши заявление на мое имя. – Кричевский достал из ящика плотный лист бумаги и протянул Сазонову.

– Спасибо, Миша.

– С женой посоветовался? Если квартирка улетит, куда Инну денешь?

– Жена прописана у матери. Это моя квартира, и я вправе ей распоряжаться.

– Рисковый ты парень... – Повторил банкир: – Деньги когда тебе нужны?

– Ты же знаешь. – Сазонов закончил писать и вернул заявление Кричевскому. Тот прочитал и спрятал листок в стол:

– Приходи завтра после обеда.

Владимир Игнатьевич пожал Кричевскому руку и быстро покинул банк. Снова укрывшись от дождя кейсом, он быстро дошагал до метро и, проделав пересадку, добрался до Смоленской. Забежав на эскалатор, Сазонов услышал звонка мобильного телефона. Он не сразу понял откуда идет сигнал, наконец сообразил, что звук доносится из его кармана и достал трубку:

– Ты где? Есть хочется ужасно. Без тебя обедать не сажусь. – ворковал томный женский голос.

– Минут через сорок жди. Я тоже голодный, как крокодил.

На Садовом Кольце дождя не наблюдалось, но по лужам на мокром асфальте было заметно, что и здесь туча прошла совсем недавно. Владимир Игнатьевич, стараясь не забрызгать брюки своего черного костюма, дома он так и не успел переодеться, осторожно вышел на Смоленскую площадь и завернул в угловой гастроном. Это был дорогой магазин с выбором самых разнообразных деликатесов. От множества различных сортов сыра, колбас, ветчин до диковинных рыб и живых омаров. Сазонов покупал долго и много. Завершив покупки двумя бутылками французского вина, покатил нагруженную тележку к кассе. За иноземным кассовым аппаратом сидела смазливая девица с электронным датчиком. Кульки и коробки плыли по самодвижущейся ленте. Красавица только успевала подносить датчик к покупкам. Аппарат издавал электронный писк и на экране появлялись цифры. Закончив подсчеты и получив с покупателя полторы тысячи, девица выдавила из себя быструю дежурную улыбочку и отработанным жестом выбросила два огромных пакета. Сазонов с трудом вместил в них всю закупленную провизию и выбрался из гастронома... Тащить такую ношу было неудобно. Владимир Игнатьевич вновь остановил частника и, усевшись на заднее сидение, приказал везти себя на Бакунинскую. Народ уже двинул по домам и машины тащились со скоростью пешеходов. Но Сазонов спокойно поглядывал в окно и не дергался. Молодой левак с хохляцким акцентом быстро сообразил, что важный господин в черном костюме к разговору не расположен. Не получив ответа на сентенцию, что Москва куда суматошнее, чем Херсон, парень смолк и больше рта не раскрывал. Недалеко от станции метро Бауманская Владимир Игнатьевич велел остановиться.

– Триста рубликов не пожалеете? – Выдохнул хохол, готовый к спору, но клиент не торговался. Парню везло. Не успел пассажир вылезти и вытянуть свои пакеты, как к его «Ниве» подскочила дамочка с пушистой кошкой в руках. Владимир Игнатьевич галантно попридержал для нее дверцу и поволок свою ношу к шестнадцати-этажной башне. Возле парадного он опустил пакеты, долго рылся в карманах костюма, наконец, извлек связку ключей. Кодовый замок отпирался маленьким пластмассовым ключиком. Сазонов вошел и, по-хозяйски оглядевшись,

уверенно направился к лифту. Он еще не поднялся до седьмого этажа, как железная дверь одной из квартир тихо раскрылась и на пороге появилась тоненькая девушка в пестром цыганском платке с печальными темными глазами. Ее маленькое породистое личико до смешного напоминало Анну Яковлевну Табаровскую, только лет на двадцать моложе.

– Я видела с балкона, как ты подъехал. – Шепнула она, пропуская его в прихожую. Владимир Игнатьевич поставил пакеты на паркет:

– Котик, почему ты опять причесана не так, как я просил?!

– Я не успела. Ты нарочно меня никогда не называешь по имени. Тебе не нравится имя Лиза?

– Как не успела!? Ты же знала, что я в дороге – Недовольно возразил Сазонов.

– Ну хорошо, сейчас причешусь, если для тебя это так важно.

– Да, котик, для меня это важно. – Владимир Игнатьевич снял пиджак и повесил его на плечики: – Возьми один пакет и отнеси на кухню. Ты сделала заграничный паспорт?

– Да, сделала. А что во втором пакете?

– Котик, не будь такой любопытной. Второй я заберу. В нем тоже еда.

– Потатишь своей Инне? – Поинтересовалась Лиза и ее темные глаза погрустнели.

«Господи, как она похожа на Табаровскую! Даже выражение лица у них часто одинаковое», – подумал Владимир Игнатьевич и пошел за девушкой:

– Я сегодня сказал жене, что подаю на развод, – заявил он усаживаясь за стол.

– Правда!? Она бросилась к Сазонову и поцеловала его. Владимир Игнатьевич обнял Лизу и стал ласкать ее, медленно стягивая халат и рассыпая волосы.

– Пошли в спальню. – Прошептала Лиза. Но Сазонов уже не слышал. Он повалил ее на коврик и взял тут же на кухне. От его нетерпения на столе задрожали бокалы, а бутылка французского вина упала на пол и разбилась. Красное вино тоненьким ручейком дотянулось до руки Лизы и окрасила ее ладонь в кровавый цвет.

– Аня, мы будем вместе всегда! – Услышал Владимир Игнатьевич и понял что это его крик.

* * *

Петр Григорьевич Ерожин за один месяц узнал об особенностях женского организма больше, чем за всю предыдущую жизнь. Пять недель назад в его судьбе произошло то, что происходит в каждой нормальной семье, но подполковник был уверен, что у него все совершенно исключительное и из ряда вон выходящее. В некотором роде это так и было, поскольку Надя родила двойню.

Ерожин с тревогой наблюдал за женой, пока она находилась в интересном положении. Он волновался за Надю не потому, что уж так ждал потомства, а потому, что однажды его молодая жена очень страдала, не по своей воле прервав беременность.

К детям Петр Григорьевич относился спокойно и, вспоминая свой предыдущий брак, мог себе признать, что папашей был скверным. Его первая жена Наташа и до и после родов особым вниманием мужа избалована не была. Ему тогда казалось, что это таинство происходит само собой и женщине оно привычно и свойственно, а его дело сторона. Теперь все произошло иначе. Петр Григорьевич радовался вместе с Надей, прикладывая ухо к ее округлому животу и ощущая там толчки новой жизни. О том, что Надя выродит двойню, он узнал, не смотря на все новейшие методы диагностики, когда ее уже увезли в родильный дом. За два дня до родов Ерожин звонил Наде по мобильному каждый час и по нескольку раз в день мотался к больнице. Нянечки, носившие передачи роженицам, его отличали и очень полюбили. Такое количество фруктов и всевозможной витаминной провизии, могло хватить на несколько палат. Надя все это съесть не могла и раздавала соседкам. Узнав, что у него двойня, Ерожин зашел к Аксенову,

напился там и, усевшись пьяным за руль, чего почти никогда не делал, отправился к Грыжину, где продолжил возлияние. Надя родила мальчика и девочку. Отец сам назвал новорожденных Ваней и Леной. Ваней в честь своего старшего друга, генерала Грыжина. А дочку Леной в честь тещи. Хоть Елена Николаевна Аксенова была и не кровной матерью его жены, лучшей подруги у своих знакомых мужчин Ерожин не встречал и потому считал, что вместе с именем передаст дочери черты бабушки. Просидев с генералом почти до рассвета, они ударились в воспоминания. Начиная с родного Новгорода, где оба в разные годы начинали свою карьеру, до сего дня.

– Помнишь, когда ты, сопливым капитаном вел следствие в квартире дочери, я позвонил? – Вопросил Грыжин.

– Конечно помню. Ты, Григорич, спросил как меня зовут, а я как пацан ответил «Петей».

С тех пор прошло много лет. Генерал, после ранения Ерожина, устроил Петра Григорьевича начальником безопасности на фирму Аксенова. Тот имел дочерей тройняшек, одна из которых, подкидыш Надя и стала его женой. Распутывая беду семейства Аксеновых сыщик выяснил, что его супруга не родная дочь Аксенова. Ее настоящий отец Алексей Ростоцкий живет под Самарой. Теперь у Нади два отца.

Выпив с Грыжиным еще по бутылке армянского коньяка, сыщик порывался ехать в родильный дом и угощать там весь медицинский персонал. Но Иван Григорьевич матерно обругал счастливого папашу и уложил его спать. За что потом подполковник искренне благодарил Ивана Григорьевича.

«Я знал, Петро, что ты дурилка, но не знал, что до такой степени», – ворчал Грыжин. Старый генерал был очень польщен, что в его честь назвали одного из малышей и всерьез злиться на Ерожина не мог.

Прошел месяц, и все оказалось далеко не столь радужно, как в те первые дни. Надя вовсе не выглядела счастливой. Наоборот, она часто сидела без движения и смотрела в одну точку. От криков малышей жена вздрагивала, и когда шла их укачивать, выражение ее лица никак нельзя было назвать умиленным. Скорее в нем читались испуг или обреченность.

– Почему они все время орут? Я этого не выдержу. – Говорила она Ерожину, и подполковник не знал, что жене отвечать.

– Я превратилась в дойную корову. – Жаловалась Надя: – Я же человек. Почему я должна без конца что-то сцеживать, сливать, спать мокрая?

– Ну что ты, Надюша? Наверное, так надо. – Мямлин Ерожин, пытаясь ее успокоить.

– Пусть бы и тебя сосали днем и ночью. – Обиженно возражала жена.

– Ну, Надюша, у меня же нет молока. Что же они могут у меня сосать? Потерпи, они же вырастут. – Разводил он руками и возил ей врачей, потому что у Нади начались проблемы с грудью. В офис на Чистых Прудах подполковник являлся сонным и усталым. Его сыскной талант, утомленный проблемами мастита, аллергии, авитаминозов, запоров и поносов, дремал. В результате расследование по заказам клиентов происходило медленно и бездарно. Если бы не Иван Григорьевич и Глеб, офис, вообще стоило бы закрыть. Михеев очень вырос как сыщик и уже неплохо работал без помощи шефа. На счастье Петра Григорьевича, очень сложных и ответственных дел в это время на нем не висело. Сестры помогали Наде как могли. Но Люба Михеева сама родила полгода назад, а Вера много работала, ассистируя мужу в фонде. Сева без нее не мог прожить и дня. Поэтому сидеть все время с Надей они не имели возможности. Спасала лишь Лена Аксенова. Став бабушкой, Елена Николаевна металась между Чертановым и Фрунзенской набережной, разрываясь между дочерьми. Ерожин очень радовался, что приобрел квартиру рядом с тещей. Без ее помощи он бы вовсе пропал.

Но самым трудным для подполковника оказался вынужденный пост. По словам врачей, он должен был забыть на несколько месяцев, что его жена женщина. Спать с молодой и красивой супругой и отворачиваться к стенке было труднее всего. Надя его жалела и была готова

уступить, если бы он попросил. Но Ерожин держался. Подполковник стал ловить себя на том, что на улице всякую смазливую рожицу провожает долгим жадным взглядом.

После истории с диспетчером Наташей он дал себе слово хранить верность жене и пока это ему удавалось. Но одно дело хранить эту верность, когда в постели любимая женщина ему принадлежит, а другое, когда эта любимая женщина принадлежит только Ване и Леночке.

– Я больше не встану. Я их убью. – Тихо сказала Надя. Ерожин посмотрел на часы. Было без пятнадцати три. Оба его чада орала благим матом.

– Я могу встать, Надюша, но, наверное, они просят есть. – Сказал Ерожин, приподнимаясь на постели.

– Откуда я знаю, что они просят. Орут и все. Хоть бы сказали: «мама, покорми». Они одинаково орут и голодные и нет. – Обреченно проговорила Надя, но все же поднялась и пошла к малышам.

– Ну, что там? – Сонно пробормотал Петр Григорьевич.

– Ну, что там может быть?! Оба мокрые, оба в говне. Сил моих больше нет. Петь, завтра опять нужны памперсы.

– Я же на днях привез полную машину. – Удивился Ерожин.

– Их же двое, Петя. Памперсы кончаются. – Надя привела в порядок детские постельки, взяла двойняшек на руки и стала ходить с ними по комнате, монотонно завывая, что должно было означать колыбельную песню. Малыши понемногу затихли.

– Посмотри, какие они чудные! – Ерожин поглядел на жену и поразился ее перемене. Глаза Нади светились счастьем, она целовала ножки и ручки малышей и улыбалась.

– Тебя, Надюха не поймешь, только была готова их убить, а теперь радуешься... – Удивился Петр Григорьевич.

– Глупенький, я просто устала. Но если бы у меня Ванечку и Леночку отняли, я бы повесилась. – Надя уложила их в кровати, легла и тут же уснула. До родов такого таланта ко сну Ерожин за женой не замечал. Теперь она спала в любое время суток, как только дети смолкали. Петр Григорьевич так быстро заснуть не мог. Он перевернулся на спину и стал смотреть в потолок. Надя во сне бросила ему на живот свою ножку. Ерожин погладил ее по коленке и почувствовал, что в нем все вскипает. Он сжал зубы, осторожно снял с себя ногу Нади и отвернулся. Жена что-то пробормотала во сне, придвинулась к нему и обняла его сзади. Петр Григорьевич спиной почувствовал ее горячую, влажную от молока грудь.

– Господи, я конечно, грешник, но нельзя же меня так долго карать. – Простонал он. Почему-то на память приходили их прежние ночи, когда они оба засыпали усталые и удовлетворенные друг другом. Ерожин вспоминал, как Надя раздевается, кокетливо поддразнивая его своей наготой, как нежно и доверчиво отдается ему.

«Завтра лягу в кабинете», – решил возбужденный супруг. Он каждую ночь обещал себе спать отдельно. Но вечером Надя подходила и просила лечь рядом:

– Мне одной с ними страшно, – шептала она и умоляюще смотрела ему в глаза. И Ерожин шел в спальню.

– Ааа, – раздалось в очередной раз из детской кровати. Надя вздрогнула и тотчас открыла глаза:

– Ванька орет. Теперь, точно, есть хочет.

«Как она их различает?» – подумал удивленный отец и улыбнулся. Сам Ерожин разницы в крике двойняшек не слышал. Желание его отпустило. Он подвинулся, давая Наде встать и, несмотря на громкий ор уже обоих, спокойно уснул.

– Петь, тебя Сева к телефону, – Надя принесла аппарат и трясла его за плечо. Ерожин открыл глаза, мутным взглядом огляделся. За окном светило солнце. Он машинально глянул на часы и сообразил, что проспал до десяти.

– Петр Григорьевич, я бы хотел пообщаться. Нужен совет по твоей части. – Голос Кроткина звучал деловито и Ерожин понял, что родственник тревожит его неспроста.

– Хорошо, Сева. Мне подъехать, или ты на Чистые Пруды заглянешь?

– Давай, Петр, пообедаем вместе. Принимать пищу во всех случаях надо – совместим приятное с полезным.

Подполковник улыбнулся. Поесть Сева любил и умел. Трапезничать в его компании было приятно:

– Идет. – Согласился Ерожин, и они договорились встретиться в городе.

В офисе Петр Григорьевич застал Грыжина и Глеба, беседующими с огромным бородатым клиентом.

– Не помешаю? – Спросил он, присаживаясь на свободное кресло.

– Как директор может мешать подчиненным? – Связвил Грыжин и подмигнул подполковнику. Петр Григорьевич знал, что огромного бородача зовут Семой и он «заказал» своего сотрудника. Начальник одного из отделов его фирмы последнее время вел себя странно. Прибыль из отдела непонятным образом исчезала. И сейчас Глеб докладывал заказчику результаты расследования. Сотрудник Семы страдал азартом игрока. Михеев выдал бородачу расписание заездов на ипподроме, где тот проигрывал деньги и привел суммы этих проигрышей за месяц.

– Вот, бляха-муха, в чем дело. Жаль, способный мужик. – Огорченно вздохнул бородатый великан: – Придется уволить, а у него трое детей.

– Да, азарт иногда хуже водки. – Со знанием дела произнес Грыжин. Сема расплатился за работу и невесело пошутил, что гонорар сыщикам – это последний ущерб, который нанес ему азартный работник.

– Хочешь пять капель? – Спросил генерал Ерожина, пока Глеб пошел провожать клиента.

– Я и так, как сонная муха. – Отказался Петр Григорьевич. Генерал извлек из своих карманов плоскую фляжку с неизменным армянским коньяком «Ани» и налил себе четверть стакана.

– Дело хозяйское, а я по случаю гонорара себе позволю. Кстати, зарплату не желаешь получить?

– Неплохо бы. Никогда не думал, что младенцы – такое дорогое удовольствие. Памперсы, доктора, витамины. – Пожаловался он Грыжину. Генерал выпил свой коньяк, крикнул и полез в сейф:

– Да, теперь рожать детишек разорительно. – Заметил он, отсчитывая купюры: – Вот тебе, Петро десять тысяч, корми наследников, особенно Ванечку. Он мужик.

– Мне теперь и зарплату получать совестно. Вы работаете, а я вроде мебели. – Признался Ерожин, но деньги взял.

– Не кокетничай, подполковник. Если бы не твое имя, к нам бы никто не зашел. Клиент на Ерожина бежит, да и Глеб без тебя в каком-нибудь гараже гайки бы крутил, а теперь он настоящий сыщик. А Ванечка и Леночка скоро начнут спать по пятнадцать часов в сутки, и ты опять станешь молодцом. – Успокоил директора Иван Григорьевич.

– Жалко бородача. Видно, добрый мужик, переживает за своего игрока. – Сказал Михеев, возвращаясь в комнату.

– Жизнь штука сложная. – Философски изрек Грыжин и снова достал свою фляжку: – Давай, Глеб, ты заработал, факты собрал грамотно и выложил их достойно. Можешь себе позволить.

– Так закуски же нет. – Отказался Михеев, оглядывая пустые столы: – Может, мы всем коллективом пойдем заправимся?

– Вы идите, а я сегодня с родственником обедаю. Кроткин совета просит, не могу свояку отказать. На его «Саабе» катаюсь.

– Ну, положим, машину ты честно отработал, но родственнику отказывать грех. – Согласился Грыжин и обратился к Глебу: – Насчет закуски не переживай. Мне Варя целый бидон своих фирменных щец выдала. Тут и заправимся.

Супы домработницы Грыжина Вари давно снискали горячих поклонников в лице всех хоть раз их отведавших. Глеб хмыкнул и направился за тарелками. Петр Григорьевич пожелал своим сотрудникам приятного аппетита и вышел из офиса.

Сева ждал Ерожина у Петровских Ворот. Петр Григорьевич подъехал к маленькому ресторанчику в начале бульвара и отметил среди других иномарок знакомый «Мерседес» мышиного цвета. Приткнув свою машину рядом, подполковник вошел в зал ресторана и огляделся. Кроткин сидел в уголке и уже что-то жевал. Ерожин улыбнулся и направился к его столику. Быстро помяв пухлой пятерней руку подполковника, Сева указал Петру Григорьевичу на кресло рядом, и начал торопливо перечислять блюда, по его мнению, заслуживающие внимания. Ресторан держали южане и кухня здесь имела кавказский привкус.

– Полностью полагаюсь на тебя. – Заверил Ерожин.

– Давай закусим сациви, на первое похлебаем супчика пяти, а на второе покушаем осетринку на вертеле. Рыбка у них славная. Свеженькую с Каспия получают. И кофейком турецким закончим. Пить будем Нарзан. Мы за рулем, и нам алкоголь не показан. Согласен?

Ерожин утвердительно кивнул, Кроткин плотоядно потер руки и вызвал официанта. Через минуту их стол, помимо перечисленного Севой меню, заполнили блюда с сыром, зеленью, помидорами, огурцами, гурийской капустой и маринованным чесноком.

– Куда столько? – Изумился Ерожин.

– Пусть. Люблю, когда всего много. – Ответил Кроткин и сосредоточенно принялся за еду. Петр Григорьевич понял, что пока родственник не насытится, разговора не будет и последовал его примеру.

– Ну, вот, теперь за кофейком я тебе расскажу, за чем звал. – Сообщил молодой человек, удовлетворенно отваливаясь на спинку кресла и вытирая пухлые пальцы красной салфеткой с вензелем ресторана.

– Я еле живой, боюсь, усну, так облопался. – Вздохнул Ерожин.

– Много? Я только червячка заморил. – Удивился Кроткин. Петр Григорьевич покачал головой и решил не отвечать.

– Я сегодня пообедал скромно. Меня очень беспокоит дело, о котором я тебе расскажу. От него у меня и аппетит пропал. – Пожаловался Сева.

– Не завидую я Вере. Такого мужика прокормить работа еще та. – Усмехнулся подполковник.

– Веришь, Петя, дома меня морят голодом. Верка придумала диету и пытается меня ей ежедневно. Если бы я следовал ее предписаниям, давно бы ноги протянул. Но слава Богу, мне по работе часто приходится вести переговоры за столом. – На полном серьезе поведал Кроткин.

– Ладно, хватит о жратве, выкладывай свою проблему. – Попросил Ерожин. На еду он смотреть больше не мог.

– Я, Петя, кажется, сделал большую глупость. – Начал Сева, прихлебнув кофе. Ерожин тоже взял чашечку. Темный густой напиток приятно взбодрил сыщика. Кофе тут варить умели. Ерожину захотелось покайфовать, он подумал и, позвав официанта, попросил сигарету.

– Я курю редко, поэтому пачку нее надо. Пожертвуйте мне одну хорошую сигаретку на ваш вкус.

– Официант полез в карман, вынул пачку с незнакомым названием и протянул Ерожину:

– Это наши бакинские. Табак настоящий.

Ерожин поблагодарил и, прикурив у официанта, приготовился слушать. Сева говорил как всегда точно и по делу. Он выдал большую сумму на выкуп похищенного бизнесмена и теперь сомневался, правильно ли поступил. Необычную свадьбу в бане он описал особенно подробно.

– Ты совершил благородный поступок, и это само по себе похвально. – Резюмировал Ерожин: – Что ты теперь хочешь от меня?

– В том-то и дело, что благородство это смахивает на дурь. Деньги я дал на эмоциональном порыве, а для человека бизнеса такое не простительно. Понимаешь, у меня появились сомнения во всей этой истории.

– Тогда давай по порядку с самого начала. Где ты познакомился с Натаном Марковичем? Что вас связывает? В каких проектах вы сотрудничали? Одним словом, выкладывай все.

Кроткин допил кофе, поставил чашечку на блюдце и тщательно вытер губы:

– Познакомился с Веселым я два года назад. Мне порекомендовал его человек из администрации президента. Этого человека я знаю давно и полностью ему доверяю. Натан Маркович купил акции производства по переработке мусора и хотел от меня помощи в переоборудовании этого производства. Он желал получить современную западную технологию, но, не имея опыта в данной отрасли, опасался самостоятельно выбрать фирму-поставщика. Мы подписали контракт. Я сделал серьезный анализ и вычислил немецкую компанию, которая и поставила на его производство несколько автоматических линий. Мы сотрудничали без проблем и остались друг другом довольны. Такой значительный контракт требует, как ты догадываешься, частого общения. Встречаясь с генеральным директором, я проникся к нему искренней симпатией. Этот человек не совсем обычный и очень к себе располагающий. Он не мелочен, старается помочь людям, если к нему обращаются, иногда рискует, но всегда с успехом. Не случайно и свою компанию он назвал «Риск». Это умный мужик, и немного артист. Но артист в хорошем смысле. Ты меня понимаешь?

– Ерожин затянулся сигаретой, сбросил пепел и утвердительно кивнул. Сева на мгновение замолчал, собираясь с мыслями:

– Мы сделали еще одну совместную работу. Переоборудовали цех завода по изготовлению упаковки. Веселый выкупил значительную часть акций этого завода и хотел превратить его из кустарного, в высоко рентабельное современное предприятие. Этот проект нам тоже удалось реализовать, и я опять убедился, что партнер Натан Маркович надежный, и наш фонд вполне прилично заработал. Кроме бизнеса, мы нередко встречались на всяких тусовках и раутах. А последние полгода иногда и просто обедали вместе. Не могу сказать, что мы стали друзьями, но к этому шло. При последнем свидании Натан Маркович пригласил меня на свадьбу дочери. Я с удовольствием это приглашение принял. Наша взаимная симпатия росла, мы решили познакомиться наших жен и встречаться домами. Веселый много старше меня, но ты знаешь, что уж так повелось, все мои друзья на поколение старше. Видно, я сам молодой старичок. С одноклассниками мне скучновато. – Виновато улыбнулся Сева: – Вот и вся предыстория нашего знакомства.

– Какие факты в общении с этим господином навели тебя на мысль, что он человек необычный? Постарайся припомнить. – Попросил Ерожин и затушил сигарету.

– Ничего не желаете? – Поинтересовался официант. Ерожин хотел категорически отказаться, но не успел. Сева потребовал повторить кофе и принести им по пирожному.

– В меня больше ничего не влезет! – Взмолился подполковник.

– Не справишься, я помогу. – Заверил Кроткин и дождался, когда официант удалится:

– Ты спросил, что необычного я усмотрел в персоне Натана Марковича? Во-первых, он не жмот. Согласись, что среди новых богатеньких такое встречается не часто.

– Пожалуй, если только это не поза. – Согласился подполковник.

– Суди сам. На презентацию по поводу запуска немецкого оборудования мы договорились скинуться. Заказали загородный ресторан. Прием обходился в пять штук. Утром я послал в Салтыковку Рудика, чтобы он внес нашу часть в две с половиной тысячи. Рудик вернулся, выложил мне деньги и сообщил, что Веселый уже расплатился. Я позвонил Натану Марковичу и поинтересовался, в чем дело. «Разве мы договаривались пополам?» – удивился он. «Ладно,

в следующий раз ты заплатишь», – и заговорил о другом. Тогда ни он, ни я не знали, что наше сотрудничество скоро продолжится. Это мелочь, но согласись, о человеке она говорит многое.

– А если он уже решил заказать твоему фонду новый проект и хотел тебя подмазать? – Предположил Ерожин.

– Не думаю. Акции завода по изготовлению упаковки он приобрел случайно и два месяца спустя.

– Теперь припомни, как звучало само приглашение на эту свадьбу. – Ерожин извлек из кармана свой блокнот и что-то в него записал.

– Веселый позвонил мне примерно за неделю и предупредил, что торжество назначено на воскресенье. «Когда принесут пригласительный билет, пожалуйста, не удивляйся, если тебе он покажется шуткой. Там все будет всерьез». Я запомнил его слова и, когда пригласительный принесли, без шока воспринял приписку, что на свадьбу надо явиться в плавках. Я уже усвоил для себя, что Натан Маркович любит курьезы.

– Курьезы? – Заинтересовался сыщик: – Это любопытно. Почему у тебя сложилось такое впечатление?

– Чтобы проверить на вшивость своего бухгалтера Сысоева, Натан повез его в Тушино и прыгнул с ним на парашюте.

– Сколько лет бухгалтеру? – Перебил Севу Ерожин.

– Под шестьдесят. Я с ним познакомился на свадьбе.

– Выходит, твой Натан – мужик жесткий. Бухгалтер мог со страху отдать концы. – Усмехнулся Ерожин.

– Сысоев служил в авиации. Натан об этом знал. – Ерожин и это отметил в своем блокноте:

– Как реагировали гости на пленку с обращением Натана Марковича? Не припомнишь чего-нибудь необычного – реплики, высказывания?

– Удрученно, но без паники. Только Анне Табаровской стало плохо. Я тебе уже говорил, что Анну Яковлевну знаю несколько лет. Мы с Верой старались ей помочь и увезли к себе. Переводчица ночевала у нас на Плющихе. Она полночи не давала жене спать, рассказывая о том, какой Натан Маркович замечательный человек. Бедной Вере пришлось нелегко. Она сумела уложить гостью лишь в четвертом часу ночи. Анна Яковлевна пребывала в таком состоянии, что оставить ее одну раньше не удавалось. Заместитель Веселого назначил на следующее утро сбор друзей Натана Марковича с целью собрать средства для его выкупа. Мне предстояли заранее запланированные важные переговоры, которые я был не в силах отменить, и вместо себя послал Рудика. Он внес пятьдесят тысяч долларов от нашего фонда, о чем и получил расписку бухгалтера Сысоева. Освободившись, я приехал к себе в офис, и что-то меня беспокоило. Не могу объяснить почему, но я по разным каналам решил проверить, как идут дела компании «Риск». И выяснились интересные детали. Акции предприятия по переработке мусора Веселый месяц назад продал. Избавился он и от акций завода по производству упаковки. При чем оба предприятия наращивали прибыль и продавать их акции сейчас крайне невыгодно. С заводом по переработке мусора Московское правительство собирается заключить долгосрочный договор. Через полгода Веселый мог бы выручить за него вдвое больше. Эти и еще некоторые штрихи показали мне, что компания «Риск» возможно, находится плачевном состоянии. Что там происходит, я пока не знаю, но по тем шагам, что компания предпринимает, Веселый или на грани банкротства, или затеял какой-то финт ушами... Вот я и засомневался, не трюк ли вся эта история с похищением? Полмиллиона черного нала, который должны собрать для выкупа директора его приближенные, может оказаться последним шансом для Натана Марковича удержаться на плаву.

Официант принес кофе с двумя эклерами, и Кроткин смолк. Петр Григорьевич смотрел, как его свояк принялся за десерт, и подумал, что сестра жены Вера не зря ограничивает мужа в еде. Дай Кроткину волю, он не войдет в дверь квартиры.

– Почему не берешь пирожное? – Поинтересовался Сева и, получив заверения подполковника, что он больше есть не в силах, с удовольствием подвинул тарелочку с вторым эклером к себе.

– Ты хочешь выслушать мое мнение об этой истории или поручить расследование? – Спросил сыщик.

– Понимаешь, я намекнул Табаровской, что мой родственник классный сыщик. Но она очень испугалась. Ведь Натан просил не обращаться в органы. Я объяснил, что ты не официальный следователь, и о твоей помощи никто не узнает. Но Табаровская и слышать об этом не хотела. Она кричала, что Натана тут же убьют. Поэтому я не знаю, как поступить. Пятьдесят тысяч для меня большие деньги. Ведь я выдал всю личную свою заначку. Потерять их мне бы не хотелось. С другой стороны, если похищение произошло на самом деле, бандитов злить опасно. Вот я и жду, что ты скажешь?

– Чтобы делать выводы, у меня очень мало информации. Но вся эта история выглядит достаточно странно. Ты дословно помнишь обращение похищенного? – Ерожин взял чашечку – кофе его уже остыл – и выпил его залпом.

– Не уверен, что помню каждое слово. – Кроткин смешно наморщил лоб и засопел: – Но общий смысл я тебе передал верно.

– Если я правильно понял, похищенный деньги для выкупа от бандитов просит вручить своему заместителю? – Переспросил сыщик.

– Да, про деньги я запомнил точно. – Подтвердил Сева.

– Мне самому это дело любопытно. Я им займусь. – Вдруг заявил Ерожин.

– Текущие расходы на себя возьму. – Обрадовался Кроткин: – Я так и знал, что ты не утерпишь.

– Давно не было ничего стоящего, а тут можно размяться. – Ухмыльнулся Петр Григорьевич: – Только Наде одной трудно. А с малышами от меня проку мало.

– Хочешь, я поговорю с Верой и она переедет на некоторое время к вам? Это тебе развяжет руки. – Предложил Сева.

– Не надо. У меня появилась другая мысль. Но за желание помочь я тебе очень благодарен.

Кроткин подозвал официанта, расплатился по счету, и они с Ерожиным вышли на улицу. Возле машин подполковник записал в свой блокнот адрес офиса компании «Риск», забрал у Севы визитку Владимира Игнатовича Сазонова и попросил описать его внешность.

– Немного выше среднего роста, интеллигент, тип европейский, по-мужски довольно красив. Человек вполне светский, хороший оратор. Глаза серо-голубые. Возраст между сорока и пятидесятью, ближе к полтиннику. Волосы аккуратно зачесаны назад.

– Спасибо, Сева. Тебе бы в органах работать. – Улыбнулся Ерожин.

Усевшись в «Сааб», Петр Григорьевич достал из кармана мобильный телефон и позвонил в Самару. К телефону подошла Шура.

– Алексей к вам собирается. – Сказала она Петру, очень обрадовавшись его звонку.

– Это хорошо. Но я звоню по другому поводу. Шура, как ты думаешь, Дарья не согласится приехать к нам, помочь жене с малышами? Мне трудно работать. Надя одна не справляется. Она и так спит на ходу.

Голос Шуры на минуту пропал и Ерожин уже решил, что это неполадки в связи. Но Шура задумалась.

– Зачем тебе Дарью от дома отрывать? Привози Надю к нам. Алеша будет счастлив, да и я без внука скучаю, а тут двое. Мне в радость с ними возиться. Я получше Дарьи управлюсь.

Петр Григорьевич услышал в ее голосе искреннее желание получить его двойняшек и улыбнулся:

– Я посоветуюсь с Надюхой и тебе перезвоню.

В офис подполковник заезжать не стал, а направился прямо домой. Надя купала Ваню и казалась усталой. Леночка, уже завернутая в одеяло, после купания выглядела довольной. Она сосредоточенно мяла деснами соску и ухватила Ерожина за палец.

– Ты не хочешь пожить немного у Алексея и Шуры? – Осторожно спросил он, когда Надя запеленала и мальчика.

– Я не думала об этом. – Ответила жена без всякого выражения. Ерожин заметил, что в последнее время Надя часто стала ко всему безразлична.

– Шура тебе даст немного отдохнуть. Она умелая женщина и очень любит детей. Своих у нее не было. – Развивал мысль Ерожин: – А у меня тут наклеивается интересное дело.

– Конечно, ты со мной не можешь работать. Так мы скоро по миру пойдем. – Грустно сказала Надя: – Когда ехать?

– Алексей собирается в Москву. Может, мы с ним вместе вас отвезем. – Ответил Ерожин. При упоминании Алексея, Надя наконец улыбнулась.

– Папа Алеша едет? Как я рада!

– Вот и прекрасно. Тогда я звоню Шуре, что ты не против.

Алексей Ростоцкий прилетел в шесть утра вместе с женой. Шура первый раз была в Москве у Ерожина. Она сразу взялась за малышей, и Надя только просыпалась, чтобы их покормить и тут же засыпала снова. К вечеру она порозовела и ожила.

– Я, кажется, не хочу спать?! – С удивлением сказала она за ужином. На следующее утро Ерожин послал Глеба за билетами на самолет, а сам занял наблюдательный пост у квартиры Сазонова. Он прождал с восьми до десяти, но человека, которого описал ему Сева, выходящим из квартиры, не дождался. Тогда сыщик набрал номер домашнего телефона и, услышав женский голос, попросил Владимира Игнатьевича.

– Его тут нет. – Раздался истерический крик.

– А когда он будет?.

– Не знаю! Володя ушел из дому. – Рыдающим голосом сообщила женщина и бросила трубку. Петр Григорьевич хмыкнул и поехал на Коммунистическую. Остановив машину неподалеку, так, чтобы иметь в поле зрения подъезд особняка компании «РИСК», он набрал служебный номер Сазонова.

– Заместителя директора сейчас нет. Что ему передать?

– С кем я говорю? Спросил Ерожин.

– У телефона секретарь генерального директора Северцева.

– Передайте Владимиру Игнатьевичу, чтобы он позвонил домой. Его супруга очень волнуется. – На ходу придумал Петр Григорьевич.

– Заместитель директора будет через полчаса. Я обязательно ему передам. Звонко отпортовала Северцева: – А с кем я говорю?

Сыщик поспешил отключить мобильный и, спрятав его в карман, стал ждать. Он старался держать под наблюдением всю улицу, потому что не знал, с какой стороны должен приехать Сазонов. Черный «Мерседес» возле подъезда Ерожин отметил сразу. Он даже вышел из своей машины и, проходя мимо парадного, незаметно потрогал капот «Мерседеса». Двигатель был холодным. Подполковник догадался, что это лимузин похищенного генерального.

Сазонов прибыл на жигулях. Ерожин признал заместителя директора сразу. Сева описал его точно. Углядев, что Владимир Игнатьевич расплачивается с водителем, подполковник сообразил, что Сазонов приехал на частнике. – Странно, что он не пользуется машиной фирмы... – Отметил для себя сыщик и внимательно оглядел заместителя похищенного Натана Марковича.

– Приятно познакомиться. – Сказал он сам себе. Теперь Ерожин знал Сазонова в лицо. Если предположение Кроткина верно, и Веселый свое похищение инсценировал, то, по мысли Ерожина, Владимир Игнатьевич должен быстро вывести сыщика на место, где затаился хитроумный Натан.

* * *

Анна Яковлевна вышла из офиса компании «Риск» с сухими глазами. После оскорбительного заявления бизнесменши Трусовой, что она вешается на Натана, а теперь, когда для его спасения нужны деньги, смотрит им в руки, Табаровская убежала в туалет и там полчаса проплакала. Затем она собралась, умылась и достала косметичку. Находиться с этими людьми под одной крышей женщина больше не желала. Она брела по улице и думала, как мелки и ничтожны те, кто окружает ее любимого. «Как можно, имея деньги, торговаться и жадничать, если жизни человека угрожает опасность!? Да еще человека, который им всем помог!» Анна Яковлевна была уверена, что каждый, кто знает Натана Марковича, прослышав про его беду, тут же выложит все до последней копейки, лишь бы ему помочь. Столкнувшись с ужасной реальностью, она была потрясена черствостью и эгоизмом людей. «Теперь, – решила Анна Яковлевна – Натан поймет, что все его продали. И единственный по-настоящему преданный ему человек – это она». Тут Табаровская вспомнила о существовании законной жены Веселого.

«Почему Элеоноры не было в конференцзале? Вдруг Элеонора решила показать себя и найти полмиллиона долларов полностью?» На ее месте Анна Яковлевна именно так бы и поступила. Это соображение не оставляло Табаровскую, и женщину потянуло в дом Веселого, чтобы убедиться в верности своей догадки.

Конечно, она понимала, что такой великодушный поступок супруги еще больше привяжет Натана к жене. Но перед лицом смертельной опасности для самого дорогого человека Табаровская с мыслью, что не она спасительница любимого, мирилась. «Лишь бы он остался жив», – думала Анна.

Квартира четы Веселого находилась рядом с Тверской в Каретном переулке. Анна Яковлевна оглянулась. За своими мыслями она забыла, сколько времени шагает и где находится. Оказалось, что она уже возле Таганской площади. Она немного постояла, размышляя, как поступить, и направилась на Садовое кольцо. Там она добралась до остановки и села в десятый троллейбус. Тихоходный общественный вагон медленно плыл в потоке машин. Пассажиров в нем ехало немного, и Анна Яковлевна уселась у окна, возле водительской кабины. Около Курского вокзала троллейбус надолго застрял в пробке. Нетерпеливые пассажиры попросили водителя, и тот, открыв двери, выпустил желающих. В салоне осталось всего несколько человек. Анна Яковлевна никуда не опаздывала, и потому не пошевелилась. Она глядела в окно и вспоминала все, что связывало ее с Натаном Марковичем с первого дня их знакомства. Она помнила их первую встречу, словно это было вчера. За ней тогда ухаживал Сазонов. Володя ей даже нравился. Он был красив, остроумен, правда, немного циничен, но ему это шло. На Сазонова девушки заглядывались, но он, кроме Анны, никого не замечал. В тот вечер они собирались пойти в кино, и договорились встретиться у памятника Маяковского. Натан и тогда жил в Каретном переулке. Квартира принадлежала его отцу, который в Москве почти не бывал, потому что всегда руководил какой-нибудь гигантской стройкой. Натан и родился не в Москве и даже не в России, а в Египте, где отец строил электростанцию.

Анна шла к Володе Сазонову, как всегда на десять минут позже назначенного срока. Она считала, что для девушки немного опаздывать на свидание – хороший тон, а приходить минута в минуту неприлично. Сазонов нервно разгуливал вокруг памятника с белой гвоздичкой в руках. Аня даже погоду в тот осенний день запомнила. Дождя тогда не было, но все шли по улице с зонтами. Еще дул ветер и Аня волновалась за свою широкую юбку, которую ветер

норовил задрать. Она так и подошла к Сазонову, придерживая юбку у колен. Володя протянул ей цветок, она его взяла не сразу и ветер гвоздичку попортил. В кино они тогда не пошли. «Мне надо навестить друга, он упал с мотоцикла и сломал ногу».

«Вот еще? Я твоего друга не знаю и навещать его мне неудобно». – Уперлась Аня, и Сазонов принялся долго и нудно ее уговаривать. Он много рассказал тогда о Натане. Сазонов вместе с Веселым учились на одном курсе в МГУ. Володя говорил о друге с завистью и восхищением. Аня узнала, что Натан бесшабашный и отчаянный парень. Он и ногу сломал потому, что решил съехать на мотоцикле с Ленинских гор. Девушку это заинтересовало и она дала себя уговорить.

Квартира Веселого Табаровскую поразила. Эта была непривычно большая отдельная квартира, что в те времена имели не многие. Но не только размеры жилья потрясли Аню. На стенах, буфетах и книжных полках она увидела множество вещей со всех концов света. Там было и чучело крокодила с Кубы, и черные африканские маски, и огромная шкура бурого медведя из Сибири, и еще бог весть что. Все это были подарки и сувениры отца Натана. Но больше всего подействовали на девушку фотографии на стенах. Они тоже запечатлели разные страны и континенты, но самое интересное в них было то, что сам Натан рядом с отцом на многих фото присутствовал.

– Ты был в Африке? – Спросила Аня, когда молодой хозяин квартиры с перевязанной головой, на костылях, сопроводил их на кухню и угощал чаем.

– Он и в Австралии был. – Ответил за Натана Сазонов. Аню удивило, что молодой человек вовсе не кичился этим, хотя в те времена далекие страны казались волшебной сказкой, а за границей бывали избранные. Наоборот, Натан очень смешно над собой подтрунивал. Аня до слез смеялась над его рассказом о падении с мотоцикла. Натан поведал, что, кроме ноги, рассек еще голову и в ней, к удивлению врачей, оказались опилки. Он очень комично просил это держать в тайне. Аня влюбилась с первого взгляда.

Троллейбус наконец тронулся и Анна Яковлевна вздрогнула. Она так погрузилась в воспоминания, что снова забыла где находится. Мимо проплыл Разгуляй, затем Красные Ворота. Перед поворотом к трем вокзалом троллейбус снова застрял. Анна Яковлевна продолжала жить прошлым...

На другой день Табаровская навестила сокурсника Сазонова сама. Натан вовсе не удивился ее приходу. Молодой человек жил один. Отец в очередной раз пропадал на далекой стройке, и мать на несколько недель уехала к мужу. Веселый не сообщил родителям о своем переломе, и мать возвращаться раньше намеченного срока не собиралась. Аня прибралась в квартире и осталась на ночь. Эта была ее первая ночь с мужчиной. Она тогда сама разделась почти донага и лишь с трусиками никак не могла расстаться. Натан молча их сорвал. Любовник с гипсовой ногой, да еще первый мужчина в жизни – опыт не ординарный. Вспомнив об этом, Анна Яковлевна покраснела и оглянулась по сторонам. Ей показалось, что ее интимные мысли кто-нибудь сможет прочитать. Но в салоне дремал грязный бомж, а на задних сидениях увлеченно беседовали две дамы преклонного возраста. На Табаровскую никто не обращал внимания. Анна Яковлевна облегченно вздохнула и снова отвернулась к окну.

До приезда матери Натана она все свободное время надеялась провести рядом с любимым в Каретном переулке. Но ее обожание молодому человеку скоро наскучило. Однажды она позвонила в дверь, и ей не открыли. Натану сняли гипс, и больше находиться в обществе влюбленной девушки он не пожелал. Когда Аня со слезами на глазах дождалась его в подъезде, он прямо ей сказал, что хочет жить свободно, а Анне предложил свою дружбу. С тех пор они и «дружат».

Троллейбус наконец добрался до площади Маяковского. Анна Яковлевна вышла на улицу и зашагала в сторону Каретного переулка. В этот дом она всегда входила с щемящим сердцем.

Здесь она была единственный раз в жизни счастлива с мужчиной. Тут прошли ее самые светлые и самые трагические минуты. Табаровская набрала код и вошла в подъезд.

Элеонора открыла ей дверь и, кивнув, ушла в гостиную. Анна Яковлевна сняла туфли, нашла тапочки, которые за много лет считала своими, и проследовала за хозяйкой. С тех далеких времен, когда Анна Яковлевна молоденькой девушкой впервые переступила порог, квартира сильно изменилась. По настоянию Элеоноры Ивановны, Натан сменил мебель, сделал банальный евроремонт и жилье свою индивидуальность безвозвратно утратило. Теперь все тут скорее напоминало шикарный номер в отеле, нежели обитель живого человека. И лишь фотографии и часть заморских вещей напоминали о былом.

– О нем ничего нового? – Спросила Анна Яковлевна, присаживаясь на краешек кресла. Супруга Натана сидела за журнальным столиком и раскладывала пасьянс.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.